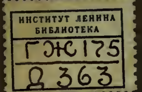
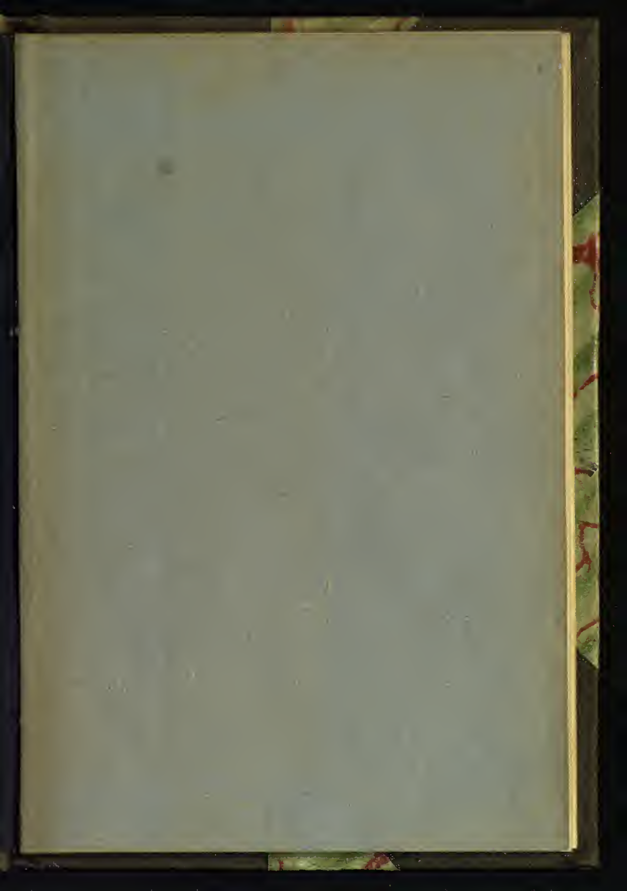
ДЕЛО

М. А. Спиридоновой

№ 3. Цѣна 15 коп.

Народная Бесѣда.

С. П. М—инъ.

Дѣло М. А. Спиридоновой.

„Я съ ужасомъ теперь читаю
сказки,
Не тѣ, что всѣ мы знаемъ съ
дѣтскихъ лѣтъ.
О нѣтъ, живую быль — въ ея
огласкѣ
Чрезъ страшный шорохъ
утреннихъ газетъ“.

К. Бальмонтъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Пытки и Судъ.

„Я съ ужасомъ теперь читаю
сказки,
Не тѣ, что всѣ мы знаемъ съ
дѣтскихъ лѣтъ,
О, нѣтъ, живую быль—въ ея
огласкѣ
Чрезъ страшный шорохъ
утреннихъ газетъ“.
К. Бальмонтъ.

Въ послѣднія недѣли имя Маріи Александровны Спиридоновой, на равнѣ съ именемъ лейтенанта Шмидта, приковало къ себѣ напряженное, проникнутое жгучей страстью и тревогой, вниманіе всѣхъ.

Между Шмидтомъ, уже убитымъ, и пока еще живой, но уже обвѣянной дыханіемъ насильственной смерти Спиридоновой, вообще говоря, мало общаго, но ихъ сближаетъ и роднитъ между собою не только трагизмъ, съ которымъ связано то и другое имя, но и нѣчто болѣе важное: они оба отразили на себѣ, какъ въ фокусѣ, отдѣльные моменты великаго освободительнаго движенія, переживаемаго нашей родиной, и ведущаго ее къ свободѣ и свѣту. И Спиридонова, и Шмидтъ это тѣ именно мученики, страданьями которыхъ только и завоевывается

свобода, а пролитая ихъ кровь переполняетъ чашу народнаго терпѣнія, превращая его въ страстный порывъ скорѣе прекратить самую возможность подобныхъ мукъ, создать условія, при которыхъ повтореніе ихъ было бы невозможно, а такихъ условій—лишь одно,—свобода. И то страстное, жгучее вниманіе, съ которымъ слѣдили всѣ за севастопольской и тамбовской трагедіями, указываетъ не только на пробужденіе все-очищающаго народнаго гнѣва, но и на его быстрое наростаніе.

Но кто же такая эта Спиридонова, самого имени которой, кромѣ ея личныхъ знакомыхъ, никто не слыхалъ всего какихъ-нибудь два мѣсяца назадъ, а теперь оно волнуетъ милліоны сердецъ русскихъ гражданъ? Кто она, эта еще недавно безвѣстная дѣвушка, сегодня столь близкая и дорогая милліонамъ русскихъ людей?

„Наша Жизнь“ даетъ ей такую характеристику.

„Представьте существо чистое, дѣвственное, цвѣтъ одухотворенной красоты, какую только выработала высшая культура Россіи, представьте эту юную, беззащитную дѣвушку въ косматыхъ лапахъ скотски отвратительныхъ, скотски злобныхъ и скотски сладострастныхъ орангъ-утанговъ. Такова была участь Спиридоновой“.

Такова и сама Спиридонова.

Ей едва исполнился 21 годъ. Не сложна ея біографія, но почти каждая черта ея рисуетъ передъ читателемъ образъ, вызывающій глубокую симпатію къ подвергнутой невѣроятнымъ истязаніямъ дѣвушкѣ. Марія Александровна принадлежитъ къ буржуазной средѣ,—ея отецъ имѣлъ паркетную фабрику, а послѣднее время служилъ бухгалтеромъ въ банкѣ. У нея есть еще три сестры и братъ. Въ умственномъ отношеніи Спиридонова, очевидно, не заурядная дѣвушка. Съ малыхъ лѣтъ,

говоритъ въ „Руси“ г. Владиміровъ, командированный редакціей въ Тамбовъ съ спеціальной цѣлью собрать свѣдѣнія о ней и ея дѣлѣ, родители возлагали на нее большія надежды. Росла Маруся — такъ ее звали въ семьѣ и подруги по гимназіи — умненькой, способной дѣвочкой. Она съ малыхъ лѣтъ проявила большія способности. Пяти лѣтъ она уже умѣла читать и писать. Въ гимназію она поступила во II классъ и сразу заняла положеніе первой ученицы и сохранила его во все время пребыванія въ школѣ. Изъ VIII класса она была исключена за такъ называемую „политическую неблагонадежность“. Попыталась поступить на высшіе женскіе курсы, „но благодаря аттестаціи, выданной ей гимназическимъ совѣтомъ, ее никуда не приняли“. Обычная исторія, такъ много калѣчащая на Руси молодыхъ силъ, самыхъ честныхъ, самыхъ талантливыхъ! Неудача съ поступленіемъ на курсы не могла, конечно, охладить у Маріи Александровны стремленія къ образованію, и она усердно занялась имъ дома, много читала, много училась.

„Нужно замѣтить, говоритъ г. Владиміровъ, что съ замѣчательнымъ упорствомъ и стойкостью умѣла она идти къ намѣченной цѣли, не останавливаясь на полпути, не падая духомъ отъ первыхъ неудачныхъ шаговъ. Всякія препятствія разжигали еще больше ея стремленія достигнуть своей цѣли, и она дѣйствительно ея достигала. Въ своемъ стремленіи къ самообразованію она сдѣлала поразительные успѣхи. За эти годы труда надъ своей личностью изъ нея сдѣлалась развитая, образованная женщина“.

Здѣсь стоитъ остановить вниманіе на тѣхъ условіяхъ, которыя помѣшали Маріи Александровнѣ окончить гимназическій курсъ.

Знавшіе ее съ дѣтства, характеризуютъ Марію Александровну, какъ всегда отличавшуюся живымъ, подвижнымъ и настойчивымъ характеромъ. Будучи ребенкомъ, она обращала на себя вниманіе рѣзвостью и шаловливостью. Другой ея отличительной чертой была искренность, правдивость: она не допускала никакой лжи „ни по отношенію къ товарищамъ, ни къ жизни", передавала о ней г. Владимірову ея гимназическая подруга, знавшая ее близко съ перваго года вступленія въ школу. А это все такія качества, которыя не могли не приводить ее въ болѣе или менѣе рѣзкія столкновенія съ гимназическимъ режимомъ, въ основу котораго положены сознательная фальшь во всемъ, лицемѣріе и сухой, черствый, бездушный формализмъ, причинившіе такъ много зла Россіи, калѣча и развращая ея дѣтей. Марія Александровна Спиридовна вынесла на себѣ всю тяжесть этого режима и имѣла возможность оцѣнить его по достоинству.

Какъ и слѣдовало ожидать, одаренный отъ природы, искренній и правдивый ребенокъ, обладавшій къ тому же независимымъ и открытымъ характеромъ, съ первыхъ же своихъ шаговъ въ гимназіи вызвалъ къ себѣ нелюбовь гимназическаго „начальства", что въ переводѣ на житейскій языкъ значитъ—постоянныя болѣе или менѣе вздорныя и пошлыя придирки и преслѣдованія ребенка. Отстаивая свою личность, дѣвушка должна была съ самаго начала вступить въ воюющія отношенія и съ своей ближайшей мучительницей — классной дамой, и въ этой ежедневной, тянувшейся долгіе годы войнѣ, по свидѣтельству ея подруги, она держала себя смѣло и открыто. Съ этой „классной дамой", которую гимназистки прозвали „Двухвосткой", было между прочимъ столкновеніе и такого рода.

Будучи во второмъ классѣ, г-жа Спиридонова написала разсказъ: „Въ классѣ“, надѣлавшій много шуму въ гимназіи. Въ этомъ разсказѣ она высмѣяла весь ея педагогическій персоналъ, подмѣтивъ и подхвативъ смѣшныя и слабыя стороны этого міра. Когда однажды она читала его дома вслухъ, услыхала этотъ разсказъ „Двухвостка“ и сообщила начальству. Послѣ этого ей житья не стало въ гимназіи. Что бы ни случилось въ классѣ, классныя дамы a priori рѣшали, что виновницей всему является Спиридонова. Былъ такой случай: наверху въ умывальникѣ кто-то открылъ кранъ; сразу этого не замѣтили, и вода протекла внизъ, къ начальницѣ. Вина конечно пала на Спиридонову. Классная дама считала ее лживой, не зная того, что она не допускала ни капли лжи ни по отношенію къ товарищамъ, ни къ жизни; она даже изобличала другихъ, когда замѣчала въ нихъ фальшь.

„Краснорѣчивая отъ природы, говоритъ ея подруга, она и дѣвочкой умѣла говорить и писать, и часто заводила въ классѣ интересные споры съ учителями, но не по учебникамъ и книгамъ, а по собственнымъ запросамъ своего ума“.

Зная наши гимназическіе нравы, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что эти разговоры „не по учебникамъ и книгамъ“ не могли молодой дѣвушкѣ проходить даромъ, такъ какъ гимназическое „начальство“ органически не можетъ допустить у учащихся никакихъ „собственныхъ запросовъ своего ума“, усматривая въ этихъ запросахъ первые признаки зарождающейся „крамолы“.

Неудивительно, что г. Спиридонова, какъ говоритъ ея подруга, „просто считала, что хорошихъ отно-

шеній съ учебнымъ начальствомъ не можетъ быть и даже не должно быть, какъ съ людьми, призванными мучить ребенка. Когда однажды пріѣхала въ гимназію новая начальница и въ своей рѣчи къ ученицамъ 8-го класса обратилась съ просьбой оказать ей довѣріе и вниманіе, съ своей стороны предлагала нравственную поддержку, хотѣла замѣнить имъ мать и надѣялась на полную готовность со стороны ученицъ протянуть ей руку, Маруся отвѣтила, что такихъ отношеній между ученицами и начальницей гимназіи не можетъ быть, и не стоитъ дѣлать попытки создать ихъ, такъ какъ палка не можетъ обратиться въ друга; за всѣ 8 классовъ пребыванія ихъ въ школѣ, онѣ привыкли чувствовать на себѣ эту палку и выработали пріемы съ меньшей тяжестью переносить ее".

Изъ этого эпизода видно, что Тамбовская женская гимназія держала себя на „высотѣ призванія" и сдѣлала все, чтобы внушить къ себѣ въ своихъ воспитанницахъ чувства глубокой ненависти и отвращенія.

М. А. Спиридонова, говоритъ г. Владиміровъ, не могла переносить бездушнаго холоднаго формализма нашей школы, вытравлявшаго въ душѣ ребенка все лучшее, все живое; не могла съ этимъ мириться, выдумывала разныя протесты, была всегда первой коноводкой во всѣхъ случаяхъ столкновеній съ начальствомъ, съ классными дамами.

Исторію ея исключенія г. Владиміровъ передаетъ такъ:

„Когда М. А. была въ 8-мъ классѣ, въ средѣ воспитанниковъ гимназій, реальнаго училища и женской гимназіи возникъ товарищескій кружокъ, цѣлью котораго было самообразованіе, саморазвитіе и распространеніе книгъ среди учащихся; для этой цѣли была основана библіотека. М. А. была душой этого кружка,

много труда положила на созданіе товарищеской библіотеки. Въ кружкѣ читались рефераты, обмѣнивались другъ съ другомъ мнѣніями по поводу прочитаннаго. Въ это время въ семинаріи шли волненія. Семинаристы собирались на сходки и рѣшали вопросъ о подачѣ петиціи съ требованіемъ преобразованія семинаріи, учебнаго дѣла и разрѣшенія поступленія учащимся во всѣ университеты. На одну изъ такихъ сходокъ въ качествѣ делегатки отъ кружка была послана М. А. Спиридонова, чтобы отъ лица сознательной учащейся молодежи выразить свое сочувствіе пробудившемуся движенію среди семинаристовъ. Эта исторія, какъ искра, облетѣла весь городъ; скрыть ее нельзя было, да и М. А. не хотѣла, не видя здѣсь ничего нехорошаго, преступнаго, и дошло это до учебнаго начальства. Ее хотѣли исключить, но медлили. Вскорѣ въ гимназію на имя ея было доставлено письмо. Начальница гимназіи вскрыла его и—о ужасъ!—въ письмѣ оказалась прокламація... Послѣ бурнаго объясненія съ начальницей гимназіи, М. А. должна была въ тотъ же день взять бумаги".

Гимназическое «начальство» не только исключило М. А. Спиридонову изъ гимназіи, но, какъ видно изъ предыдущаго, еще постаралось дать ей такую «аттестацію», съ которой она никуда на курсы не могла поступить.

Но такая «аттестація» «Двухвостокъ» не помѣшала, конечно, Маріи Александровнѣ пріобрѣсти нужныя ей научныя знанія и стать дѣйствительно образованной женщиной.

Богато одаренная, М. А. Спиридонова прекрасно владѣетъ рѣчью, увлекая слушателей и производя на

нихъ неотразимое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе испытывали на себѣ всѣ, кому приходилось ее слушать, испыталъ его на себѣ и судъ, приговорившій ея къ повѣшанію, какъ это сообщалось въ корреспонденціяхъ изъ Тамбова. И покоряла она слушателей своей искренностью, правдивостью и убѣжденностью. «Въ разговорѣ съ нею, передавалъ г. Тесленко, ея защитникъ на судѣ, корреспонденту „Руси", быстро проникаешься сознаніемъ личности крупной по уму, по силѣ характера, по стойкости воли; всѣ эти достоинства и преимущества гармонируютъ со всей ея натурой. Въ ней нѣтъ заученности въ формахъ, узкости и односторонности во взглядахъ, доктринерства. Говоритъ очень хорошо и весьма оживленно".

Но не одной рѣчью, проникнутой убѣжденіемъ и искренностью, подчиняла окружающихъ своему вліянію Марія Александровна: вся ея личность производила такое впечатлѣніе.

Тотъ же защитникъ ея говоритъ о ней, „послѣ нѣсколькихъ словъ разговора, чувствуется въ ней большая, крупная личность, сразу передается на собесѣдника вліяніе психическаго типа высокой пробы. Держится она необыкновенно просто... Говоритъ она также очень просто и искренно; не вѣрить ей нельзя. Такое же впечатлѣніе произвела она и на судей въ каждомъ словѣ сквозили и чувствовались: искренность и правдивость ея".

Подруга ея г-жа К. С. такъ обрисовала г. Владимірову Марію Александровну. Хорошенькая, совсѣмъ крошечная, стройная, со свѣтлокаштановыми волосами, которые распущенные закрываютъ всю ея фигуру ниже колѣнъ, съ тонкими чертами небольшого лица, съ нѣжной прозрачной кожей, съ синеватыми широко откры-

тыми глазами, — вотъ внѣшность Маруси. Много свѣжести, мягкихъ, свѣтлыхъ красокъ на этомъ прелестномъ лицѣ. Верхняя губа ея немного короче нижней и придаетъ ея смѣлому открытому лицу что-то дѣтское и вмѣстѣ съ тѣмъ твердое и рѣшительное. Вся ея легкая, маленькая фигурка такъ и дышетъ энергiей и смѣлостью. Всей душой, безраздѣльно любящая свое дѣло, — она неутомимо борется за него, ни минуты не задумываясь отдать ему жизнь.

— „Изъ пяти дѣтей, можно отдать одного родинѣ, — говорила Маруся матери, утѣшая ее на свиданьѣ въ тюрьмѣ. Готовясь убить Луженовскаго, она такъ была увѣрена въ своей казни, что ей казалось страннымъ жить, ходить и спать; она „чувствовала себя какъ бы на томъ свѣтѣ“. Рѣшивши убить Луженовскаго, о себѣ она совершенно не заботилась. Слабаго здоровья, она, часто полубольная, ходила во всякую погоду, не щадя себя. Въ письмахъ ея изъ тюрьмы она только вскользь говоритъ о своей болѣзни; наполняетъ ихъ партiйными совѣтами, проситъ не грустить о ней. „Не вздумайте горевать по мнѣ!.. Развѣ вы не знаете, что для насъ нѣтъ выше и желаннѣе смерти... на эшафотѣ!!“. Она не признавала своей собственности: все что ей принадлежало, она отдавала другимъ; всякiй могъ пользоваться тѣмъ, что у нея было. Она всегда отличалась своей удивительной добротой и отзывчивостью, и эти качества проявляла ко всѣмъ, съ кѣмъ приходилось ей сталкиваться, имѣть дѣло. Широкiя волны крови, проливаемыя по всей Россiи, возбуждали въ ней ужасъ и страхъ за судьбу несчастной, замученной страны. Ежедневные казни, нескончаемыя страданiя засѣкаемыхъ, разоренныхъ братьевъ по крови и духу терзали ее и

привели ее къ рѣшенію вмѣшаться въ активную борьбу".

Не удивительно, что обладая такими нравственными качествами, г. Спиридонова пользовалась любовію въ той средѣ, гдѣ ей приходилось вращаться.

Маленькая, живая, веселая и твердая характеромъ, съ громадной энергіей, она говорила хорошо и была любимицей въ кружкахъ, говоритъ о ней г. Владиміровъ.

Ее очень любили въ этихъ кружкахъ, гдѣ она много и энергично работала, и цѣнили, какъ умнаго и образованнаго товарища. Она особенно привлекала своей рѣшительностью, ясностью пониманія трактуемой мысли и умѣніемъ отстоять ее и доказать силу и значеніе своей мысли, идеи. Она умѣла людей подчинять своему вліянію,—настолько сильно было то впечатлѣніе, которое оставляла она въ людяхъ. Она это сама хорошо понимала и когда, однажды, въ самое послѣднее время она стояла у стѣны своей камеры и писала на ней свои думы и разныя революціонныя изрѣченія, администрація тюрьмы обратилась къ ней съ требованіемъ прекратить порчу стѣнъ, грозя въ противномъ случаѣ поставить внутрь къ ней въ камеру часового. На это она отвѣтила: — „Я могу только привѣтствовать такое рѣшеніе, такъ какъ однимъ сознательнымъ революціонеромъ будетъ больше!"

Общую любовь и уваженіе она снискала и среди своихъ сослуживцевъ,—послѣ смерти отца и по выходѣ изъ гимназіи она поступила на службу въ тамбовское дворянское собраніе, гдѣ и работала около двухъ лѣтъ. Службу ей пришлось оставить по „независящимъ обстоятельствамъ", правильнѣе же выражаясь, попросту вслѣдствіе произвола администраціи. Какъ передаетъ г. Вла-

диміровъ, ей „пришлось уйти только потому, что 24 марта прошлаго года она участвовала въ демонстраціи, а потомъ попала въ тюрьму, гдѣ пробыла полтора мѣсяца; затѣмъ была выпущена на свободу за неимѣніемъ никакихъ уликъ“. О ней, какъ о хорошей, внимательной работницѣ отзывается и нѣкій г. Анушкинъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ котораго она работала въ дворянскомъ собраніи.

Чтобы закончить общую характеристику М. А. Спиридоновой, нужно сказать, что она очень любила музыку, играла на рояли,—особенно ей нравились сонаты Бетховена.

Такова въ общихъ чертахъ Марія Александровна Спиридонова, письмо которой, напечатанное въ „Руси“ отъ 12 февраля въ № 27, наполнило ужасомъ и негодованіемъ сердца всѣхъ честныхъ людей Россіи отъ столицъ и до самыхъ ея отдаленныхъ уголковъ.

Это письмо, дышащее въ каждой строчкѣ глубокой искренностью и правдой и каждой своей строчкой вызывающее у читателя содраганіе ужаса, а также и данныя судебнаго процесса и собранныя г. Владиміровымъ въ Тамбовѣ и Борисоглѣбскѣ, дорисовываютъ образъ этой удивительной дѣвушки, о которой Н. В. Тесленко имѣлъ полное право сказать судившимъ ее офицерамъ.

„Спѣшите же встать на защиту Маріи Спиридоновой! Не уступайте никому чести спасти эту дѣвушку! Вырвите ее изъ когтей смерти!.. Передъ вами не только униженная, поруганная, больная Спиридонова: передъ вами больная и поруганная Россія“!

Да, М. А. Спиридонова дѣйствительно олицетво-

ряла передъ этими въ блестящихъ мундирахъ сидѣвшими офицерами униженную и поруганную Россію...

Но ни крикъ страстнаго негодованія и скорби, который слышался въ рѣчахъ г. Тесленко, ни безмѣрныя страданія самой Спиридоновой, этой чудной дѣвушки, не были для нихъ убѣдительны, и напрасно другой защитникъ—эсаулъ А. И. Филимоновъ—обращался къ „своимъ собратьямъ по оружію“ „съ горячей мольбою“ не забывать, подписывая приговоръ, что „военные люди не убиваютъ женщинъ“, — М. А. Спиридонова была приговорена къ повѣшанію, и теперь ей грозитъ казнь...

Вотъ это письмо, адресованное ею изъ тюрьмы къ товарищамъ по дѣятельности.

„Дорогіе товарищи! Луженовскій ѣхалъ послѣдній разъ по этой дорогѣ. Изъ Борисоглѣбска онъ ѣхалъ въ экстренномъ поѣздѣ. Надо было убить его именно тогда. Я пробыла на одной станціи сутки, на другой тоже и на третьей двое сутокъ. Утромъ, при встрѣчѣ поѣзда, по присутствію казаковъ, рѣшила, что ѣдетъ Луженовскій. Взяла билетъ 2 класса, рядомъ съ его вагономъ; одѣтая гимназисткой, розовая, веселая и спокойная, я не вызывала никакого подозрѣнія. Но на станціи онъ не выходилъ.

По приходѣ поѣзда въ Борисоглѣбскъ, съ платформы жандармы и казаки сгоняли все живое. Я вошла въ вагонъ и на разстояніи 12—13 шаговъ, съ площадки вагона, сдѣлала выстрѣлъ въ Луженовскаго, проходившаго въ густой цѣпи казаковъ. Такъ какъ я была очень спокойна, то я не боялась не попасть, хотя пришлось мѣтиться черезъ плечо казака; стрѣляла до тѣхъ поръ, пока было возможно. Послѣ перваго выстрѣла Луженовскій присѣлъ на корточки, схватился за жи-

вотъ и началъ метаться по направленію отъ меня, по платформѣ. Я въ это время сбѣжала съ площадки вагона на платформу и быстро, разъ за разомъ, мѣняя ежесекундно цѣль, выпустила еще три пули. Всего, по показанію Богородицкаго, нанесено 5 ранъ: двѣ въ животъ, двѣ въ грудь и одна въ руку.

Обалдѣлая охрана въ это время опомнилась; вся платформа наполнилась казаками, раздались крики: „бей“, „руби“, „стрѣляй!“ Обнажились шашки. Когда я увидѣла сверкающія шашки, я рѣшила, что тутъ пришелъ мой конецъ и рѣшила не даваться имъ живой въ руки. Въ этихъ цѣляхъ я поднесла револьверъ къ виску, но на полдорогѣ рука опустилась, а я, оглушенная ударами, лежала на платформѣ. „Гдѣ вашъ револьверъ?“— слышу голосъ наскоро меня обыскивавшаго казачьяго офицера. И стукъ прикладомъ по тѣлу и головѣ отозвался сильной болью во всемъ тѣлѣ. Пыталась сказать имъ: „Ставьте меня подъ разстрѣлъ“. Удары продолжали сыпаться. Руками я закрывала лицо; прикладами руки снимались съ него. Потомъ казачій офицеръ, высоко поднявъ меня за закрученную на руку косу, сильнымъ взмахомъ бросилъ на платформу. Я лишилась чувствъ, руки разжались, и удары посыпались по лицу и головѣ. Потомъ за ногу потащили внизъ по лѣстницѣ. Голова билась о ступеньки. за косу взнесена на извозчика.

Въ какомъ-то домѣ спрашивалъ казачій офицеръ, кто я и какъ моя фамилія. Идя на актъ, рѣшила ни одной минуты не скрывать своего имени и сущности поступка. Но тутъ забыла фамилію и только бредила. Били по лицу и въ грудь. Въ полицейскомъ управленіи была раздѣта, обыскана, отведена въ камеру

холодную, съ каменнымъ поломъ, мокрымъ и грязнымъ.

Въ камеру въ 12 или 1 часъ дня пришелъ помощникъ пристава Ждановъ и казачій офицеръ Аврамовъ; я пробыла въ ихъ компаніи, съ небольшими перерывами, до 11 часовъ вечера. Они допрашивали и были такъ виртуозны въ своихъ пыткахъ, что Иванъ Грозный могъ бы имъ позавидовать. Ударомъ ноги Ждановъ перебрасывалъ меня въ уголъ камеры, гдѣ ждалъ меня казачій офицеръ, наступалъ мнѣ на спину и опять перебрасывалъ Жданову, который становился на шею. Они велѣли раздѣть меня до-нага и не велѣли топить мерзлую и безъ того камеру. Раздѣтую, страшно ругаясь, они били нагайками (Ждановъ) и говорили: „Ну, барышня (ругань), скажи зажигательную рѣчь!" Одинъ глазъ ничего не видѣлъ и правая часть лица была страшно разбита. Они нажимали на нее и лукаво спрашивали: „Больно, дорогая? Ну, скажи, кто твои товарищи?"

Я часто бредила и, забываясь, въ бреду, мучительно боялась сказать что-либо. Въ показаніяхъ этихъ не оказалось ничего важнаго, кромѣ одной чуши, которую я несла въ бреду.

Придя въ сознаніе, я назвала себя, сказала, что я соціалистка-революціонерка и что показанія дамъ слѣдственнымъ властямъ; то, что я тамбовка, могутъ засвидѣтельствовать товарищъ прокурора Каменевъ и другіе жандармы. Это вызвало бурю негодованія: выдергивали по одному волосу изъ головы и спрашивали, гдѣ другіе революціонеры. Тушили горящую папиросу о тѣло и говорили: «кричи же, сволочь!» Въ цѣляхъ заставить кричать, давили ступни «изящныхъ», — такъ они на-

зывали,—ногъ сапогами, какъ въ тискахъ, и гремѣли: «кричи! (ругань). — У насъ цѣлыя села коровами ревутъ, а эта маленькая дѣвченка ни разу не крикнула ни на вокзалѣ, ни здѣсь. Нѣтъ, ты закричишь, мы насладимся твоими мученіями, мы на ночь отдадимъ тебя казакамъ... Нѣтъ,—говорилъ Аврамовъ,—сначала мы, а потомъ казакамъ... И грубое объятіе сопровождалось приказомъ: «кричи». Я ни разу, за все время битья на вокзалѣ и потомъ въ полиціи не крикнула. Я все бредила.

Въ 11 часовъ съ меня снималъ показаніе судебный слѣдователь, но онъ въ Тамбовѣ отказался дать матеріалъ, такъ какъ я все время бредила. Повезли въ экстренномъ поѣздѣ въ Тамбовъ. Поѣздъ идетъ тихо. Холодно, темно. Грубая брань Абрамова висѣла въ воздухѣ. Онъ страшно ругаетъ меня. Чувствуется дыханіе смерти. Даже казакамъ жутко. «Пой, ребята, что вы пріуныли, пой, чтобы эти сволочи подохли при нашемъ веселіи!» Гиканье и свистъ. Страсти разгораются, сверкаютъ глаза и зубы, пѣсня отвратительна. Брежу: воды—воды нѣтъ. Офицеръ ушелъ со мной во II классъ. Онъ пьянъ и ласковъ, руки обнимаютъ меня, разстегиваютъ, пьяныя губы шепчутъ гадко: «Какая атласная грудь, какое изящное тѣло»... Нѣтъ силъ бороться, нѣтъ силъ оттолкнуть. Голоса не хватаетъ, да и безполезно. Разбила бы голову, да не обо что. Да и не дастъ озвѣрѣлый негодяй. Сильнымъ размахомъ сапога онъ ударяетъ мнѣ на сжатыя ноги, чтобы обезсилить ихъ, зову пристава, который спитъ. Офицеръ, склонившись ко мнѣ и лаская мой подбородокъ, нѣжно шепчетъ мнѣ: «Почему вы такъ скрежещете зубами,—вы сломите ваши маленькіе зубки».

Не спала всю ночь, опасаясь окончательнаго насилія. Днемъ предлагаетъ водки, шоколаду; когда всѣ уходятъ, ласкаетъ. Предъ Тамбовомъ заснула на часъ. Проснулась потому, что рука офицера была уже на мнѣ. Везъ въ тюрьму и говорилъ: «вотъ я васъ обнимаю». Въ Тамбовѣ бредъ и сильно больна.

Показанія слѣдующія: 1) Да, хотѣла убить Луженовскаго по предварительному соглашенію и т. д. 2) По постановленію тамбовскаго комитета партіи соціалистовъ-революціонеровъ за преступное засѣканіе и безмѣрное истязаніе крестьянъ во время аграрныхъ и политическихъ безпорядковъ и послѣ нихъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ былъ Луженовскій, за разбойничьи похожденія Луженовскаго въ Борисоглѣбскѣ въ качествѣ начальника охраны; за организацію черной сотни въ Тамбовѣ, и какъ отвѣтъ на введеніе военнаго положенія и чрезвычайной и усиленной охраны въ Тамбовѣ и другихъ уѣздахъ. Тамбовскимъ комитетомъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ былъ вынесенъ приговоръ Луженовскому; въ полномъ согласіи съ этимъ приговоромъ и въ полномъ сознаніи своего поступка, я взялась за исполненіе этого приговора.

Слѣдствіе кончено, до сихъ поръ сильно больна, часто брежу. Если убьютъ, умру спокойно и съ хорошимъ чувствомъ въ душѣ".

Письмо это, въ которомъ каждое слово дышетъ такой искренностью, не могло не вызвать всеобщаго крика негодованія и ужаса, и въ газету «Русь», гдѣ оно появилось, градомъ посыпались письма съ разныхъ сторонъ, въ которыхъ авторы ихъ, —между ними много женщинъ и дѣвушекъ, —протестуя противъ допущенныхъ по отношенію къ ней насилій и звѣрствъ, требуютъ «пуб-

личнаго и гласнаго» суда надъ насильниками — казачьимъ офицеромъ Аврамовымъ и приставомъ Ждановымъ.

Фактъ былъ на лицо и скрыть его уже не было возможности, не было возможности и какъ-нибудь затушевать его, извратить. Только двѣ рептильныя газеты попробовали придать ему объясненіе, которое не превосходило ихъ собственнаго нравственнаго уровня, совершенно съ нимъ гармонируя, — это «Новое Время», заявившее, что нельзя придавать значенія обвиненіямъ Аврамова и Жданова, такъ какъ де изъ самаго письма Спиридоновой видно, что она писала его въ бреду, а «С.-Петербургскія Вѣдомости» къ этому прибавили, что подъ вліяніемъ побоевъ, нанесенныхъ ей на вокзалѣ, въ моментъ ареста, она впала въ *эротическій* бредъ, которымъ де и окрашивается все содержаніе письма.

Дальше этого распутная мысль проституирующихъ представителей столичной прессы не могла идти, что немедленно и было единодушно отмѣчено всей остальной періодической печатью. Но все-таки оставалось непонятно, почему правительство хранитъ глубокое молчаніе, почему оно не опровергнетъ, или, по крайней мѣрѣ, не разъяснитъ случившагося въ Борисоглѣбскѣ и Тамбовѣ.

Молчало даже „Русское Государство", этотъ милліонный аппаратъ для обѣленія всего, чтобы ни сдѣлало правительство г.г. Витте-Дурново.

Но это, на первый взглядъ, непонятное молчаніе скоро разъяснилось: оказалось, что между „властями" Петербурга и Тамбова шла въ это время переписка о производствѣ „дознанія" въ Тамбовѣ, каковымъ дознаніемъ и установлено, что въ письмѣ г-жи Спиридоно-

вой *нѣтъ ни слова неправды*, всѣ сооoбщенные ею факты вѣрны... При такихъ условіяхъ понятно, что даже г. Дурново, даже гр. Витте не рѣшились, что либо сказать въ опроверженіе фактовъ.

Но дѣйствительность оказалась еще страшнѣе, чѣмъ можно было думать по письму М. А. Спиридоновой: разслѣдованія г. Владимірова въ Борисоглѣбскѣ и Тамбовѣ и свидѣтельскія показанія на судѣ не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что сообщенные Марьей Александровной въ ея письмѣ ужасы блѣднѣютъ передъ тѣмъ, что произошло въ дѣйствительности...

М. А. Спиридонова просила своихъ близкихъ передать „на волю", что „писавши свое письмо, она упустила изъ виду помѣстить еще одну подробность относительно тѣхъ мукъ и истязаній, которыя примѣнили къ ней насильники, и просила печатно возстановить этотъ пробѣлъ. Послѣ ударовъ нагайками по голому тѣлу образовались рубцы съ содранной кожей по краямъ; затѣмъ, когда становились сапогами на шею и давили ступни ногъ, то образовывались на тѣлѣ ссадины съ содранной кожей, иногда порядочнаго размѣра. Такъ вотъ, когда палачи утомлялись отъ этой чудовищной работы, то, вмѣсто отдыха, они подходили къ ней и отдирали за края отставшей кожи тѣ мѣста, гдѣ было обнажено живое мясо, и такимъ образомъ расширяли и увеличивали эти обнаженныя мѣста".

Этотъ пропускъ не долженъ удивлять насъ, какъ она объяснила своему защитнику, писавши свое письмо, она „очень торопилась, такъ какъ за ней былъ весьма строгій надзоръ, въ особенности со стороны часовыхъ, наблюдавшихъ за ней черезъ форточку въ двери, поэтому въ томъ письмѣ было много пропусковъ, она многое не

успѣла изложить, да, кромѣ того, и въ памяти тогда еще не все возстановила, такъ какъ не совсѣмъ оправилась".

Г. Владиміровъ передаетъ, что „изъ всѣхъ ея разсказовъ г. Тесленко получилъ впечатлѣніе, что пытки, ея истязанія носили въ себѣ характеръ не только желанія причинить боль и муки своей терзаемой жертвѣ, но и удовлетворить свое сладострастіе, свои болѣзненные, животные инстинкты. На ея несчастье она красива собой, прекрасно сложена и вся ея внѣшность, по мнѣнію г. Тесленки, весьма привлекательна; поэтому ея красивый видъ возбуждалъ Аврамова и Жданова къ еще большимъ и большимъ мученіямъ, разжигая ихъ скотскія чувства похоти. Все время, съ 2-хъ часовъ дня и до 12 часовъ ночи, она находилась въ застѣнкѣ въ одной рубашкѣ, гдѣ было настолько холодно, что даже сидя въ пальто ощущался холодъ. Когда все тѣло ея было избито, лицо ея тоже было избито до того, что все вздулось, опухло, Аврамовъ началъ бить по зубамъ, Ждановъ продолжалъ бить по щекѣ. Въ это время одинъ глазъ совершенно закрылся, а другой съ трудомъ различалъ окружающее; часто Аврамовъ подносилъ револьверъ къ ея виску, грозилъ застрѣлить ее, если не скажетъ, кто ея любовники, а потомъ отнималъ револьверъ и ручкой его ударялъ Спиридонову по щекѣ, въ скулу.

Аврамовъ продѣлывалъ еще такія вещи: упирался ногою въ животъ, билъ нагайкой по лицу, произносилъ омерзительную ругань и кричалъ ей: „Богиня! скажи зажигательную ругань!" Много разъ пыталась она прикрыть свою наготу роскошными, пушистыми и длинными волосами, но Аврамовъ откидывалъ ихъ и хлесталъ ее

нагайкой: затѣмъ, начиналъ вырывать изъ головы отдѣльные волосы, раздувать ихъ по воздуху и съ нѣжнымъ видомъ участья спрашивалъ: „Больно тебѣ, моя дорогая? — головка болитъ? А скажи-ка, гдѣ твои эсеровцы?“ —и въ это время новый клокъ волосъ оказывался въ рукахъ истязателя. Когда она падала на полъ и, не въ состояніи подняться, лежала безъ движенія, Аврамовъ и Ждановъ подымали ее ударами своихъ сапогъ; эти удары приходились куда попало, и въ голову, и въ грудь, и въ спину.

Во время истязаній Аврамовъ, упиваясь ея муками, часто восклицалъ: „О! я заставлю тебя, дорогая, кричать, я буду наслаждаться твоими муками; я наслажусь ими всласть. Я сдѣлаю такъ, что само небо содрогнется!“ И дѣйствительно, эти угрозы онъ приводилъ въ исполненіе. Когда Аврамовъ отрывалъ руками края приподнятой кожи у пораненныхъ мѣстъ, Спиридонова терпѣла самыя ужасныя муки. Она говорила г. Тесленкѣ, что это самая страшная боль, которую ей пришлось терпѣть. Она переживала въ это время такое чувство, какъ будто бы ей сдирали со всего тѣла кожу. Муки были нестерпимы, и вотъ тогда-то она стискивала зубы до такой степени, что они хрустѣли у нея.

Въ эти минуты Аврамовъ съ ласковой улыбкой говорилъ ей.

— Милая барышня, что вы такъ скрежещете зубками, вы ихъ сломите! Перестаньте! — И новый кусочекъ кожи сдирался при неимовѣрныхъ ея страданіяхъ“.

Но и этихъ пытокъ было мало застѣночнымъ палачамъ и они придумывали новую, о которой сообщилъ г. Владиміровъ подробности, впослѣдствіи г-жа Спиридонова подтвердила ихъ своему защитнику.

Аврамовъ и Ждановъ садились на узкое окно, а въ середину на подоконникъ сажали ее, раздѣтую, страшно избитую, такъ что она находилась въ желѣзныхъ омерзительныхъ тискахъ. Опухшее тѣло, съ кровоподтеками и съ содранной кожей, сжатое въ узкомъ пространствѣ двумя сильными мужчинами, приносило ей страшное мученіе, невѣроятныя страданія; при этихъ пріемахъ пытки Аврамовъ дѣлался по отношенію къ ней „ласковъ".

„Вѣдь надо было додуматься до этого, восклицаетъ корреспондентъ „Руси", надо было дать широкій просторъ своей фантазіи, чтобы дойти до такой формы пытки, безъ членовредительства, безъ значительныхъ внѣшнихъ слѣдовъ, но въ то же время въ высшей степени тяжелой и нестерпимо мучительной для человѣка. Въ этомъ и сказалась натура Аврамова", прибавляетъ г. Владиміровъ. Особенно сильно удручало г-жу Спиридонову и „вызывало въ ней ужасъ, когда измученная, избитая, лежа, забывалась она въ минуты отдыха палачей, и вдругъ она замѣчала, что дверь тихонько раскрывалась и два звѣря, на подобіе крадущихся тигровъ, на цыпочкахъ, съ согнутыми фигурами, подкрадывались къ ней съ осторожностью хищниковъ, подстерегающихъ свою добычу, а затѣмъ сразу кидались на нее и страшными ударами нагаекъ давали ей чувствовать, что добыча уже въ рукахъ ихъ, хищниковъ. Это подкрадыванье, дѣйствія ползкомъ, крадучись, вызывали въ Спиридоновой страшный кошмаръ. Такія пытки продѣлывались много разъ, и она до сихъ поръ не можетъ вспомнить ихъ безъ содроганія.

„Когда, какъ выяснилось на судѣ, къ 12-ти часамъ ночи истязанія были закончены, Спиридонову повезли

къ слѣдователю, который въ своемъ протоколѣ подтвердилъ, что она была такъ избита, такъ истерзана, что не могла ни стоять, ни сидѣть. Туловище ея валилось, а голова сильно свѣшивалась впередъ. Отъ слѣдователя ее повезли въ саняхъ, запряженныхъ тройкой лошадей, на станцію, для отправки въ Тамбовъ. Тутъ же въ саняхъ помѣстились Аврамовъ, Ждановъ и нѣсколько казаковъ; обращеніе съ ней было въ высшей степени безцеремонное, наглое, ее хватали за косу, обнимали за талію, говорили самыя непристойныя мерзости.

„Аврамовъ хвастливо, обращаясь къ казакамъ, спрашивалъ ихъ: „Вы были со мной въ „Пескахъ“: неправда ли, здорово всыпали тамъ крестьянамъ, будутъ насъ долго помнить?“ — Затѣмъ обращался къ Спиридоновой: „Ваша хорошенькая головка очень умна, и вы должны понять, что мужиковъ надо бить; да, я убивалъ ихъ, засѣкалъ ихъ до смерти. Такъ имъ и надо! они мужики — дѣти, поэтому ихъ надо бить и учить“.

„Тутъ же Аврамовъ грозилъ отдать ее казакамъ для изнасилованія“.

Марія Александровна Спиридонова обладала исключительной силой воли, рѣдкой нравственной силой, и всѣ муки и терзанія, какимъ ее подвергали палачи, не вырвали у нея ни стона, ни жалобы, что ихъ еще болѣе раздражало и приводило въ неистовое бѣшенство. Г. Владиміровъ передаетъ и еще нѣкоторыя подробности того, чему была подвергнута Аврамовымъ Марія Александровна, но пока мы не будемъ повторять ихъ по понятнымъ, надѣемся, читателямъ причинамъ...

Чтобы яснѣе представить себѣ, при какихъ условіяхъ

и въ какой обстановкѣ производились истязанія надъ М. А. Спиридоновой, воспользуемся тѣми данными которыя сообщаетъ по этому поводу г. Владиміровъ, собравшій ихъ на мѣстахъ черезъ разспросы большого числа свидѣтелей тѣхъ пытокъ, которымъ была подвергнута дѣвушка.

Г-жа Спиридонова сама подробно разсказываетъ, при какой обстановкѣ ей пришлось стрѣлять въ Луженовскаго. Когда выяснилось, кто стрѣлялъ, говоритъ г. Владиміровъ, „ближайшій къ ней казакъ однимъ ударомъ приклада въ голову опрокинулъ ее на платформу, и, падая, она выронила револьверъ изъ своихъ рукъ. Когда она лежала на полу, подскочилъ къ ней Аврамовъ, схватилъ за косу, намоталъ ее себѣ на руку и поднялъ дѣвушку на воздухъ; другой же рукой онъ нѣсколько разъ ударилъ нагайкой по головѣ. Затѣмъ съ размаха бросилъ ея маленькое тѣло на полъ и крикнулъ казакамъ: — „Бейте ее! бейте!.. Сильнѣе! Безъ пощады!..“ И самъ тутъ же началъ наносить ей удары нагайкой и топтать ногами. Вокругъ этого безпомощнаго, маленькаго женскаго тѣла столпились сильные, здоровые, вооруженные люди и другъ передъ другомъ изощрялись въ ловкости нанесенія ударовъ нагайками. Это дѣлалось открыто, передъ всѣми пассажирами, передъ служащими на станціи и вызывало ужасъ, злобу и презрѣніе при видѣ такой грозной и звѣрской силы передъ маленькимъ не сопротивляющимся женскимъ тѣльцемъ.

„Руководящая и главная роль въ этомъ истязаніи принадлежала казачьему есаулу Аврамову; онъ особенно кричалъ, ругался, приказывалъ казакамъ бить ее, до смерти бить: „Засѣчь! совсѣмъ засѣчь ее!“ Очевидцы разсказываютъ, что ни одного крика, ни мольбы о по-

щадѣ не раздалось со стороны этой маленькой женщины; только слышались визгливые возгласы есаула къ казакамъ: „Бейте!.. Еще!.. Сильнѣе!“ Слышалась его площадная брань, свистъ нагаекъ.

„Вдругъ Аврамовъ скомандовалъ: „Бей всѣхъ, кто тутъ есть? всѣхъ... въ нагайки“!—и началось невообразимое избіеніе; казаки, съ остервенѣніемъ, испытывая особое наслажденіе, набросились на неповинную толпу. Имъ подвернулся подъ руку старикъ пассажиръ; они наносили ему удары нагаекъ съ такой силой, что вопли мольбы о пощадѣ раздирающимъ душу эхомъ пронеслись по станціи. Всѣ попрятались, разбѣжались,—кто въ вагоны, кто на дворъ станціи“.

Озвѣрѣвшіе казаки избивали всѣхъ, кто только попадался имъ на глаза; избіенію подвергся даже ихъ ближайшій сотрудникъ—жандармскій унтеръ-офицеръ Хитровъ, еще незадолго передъ тѣмъ восхищавшійся казаками и ихъ расправой съ „крамолой“, избіенію подверглись желѣзнодорожные служащіе, даже мировой судья Коваленко едва избѣгъ казачьихъ нагаекъ, скрывшись въ вагонъ.

„У главныхъ тѣлохранителей Луженовскаго и руководителей истязаній, Аврамова и Жданова, говоритъ г. Владиміровъ, избіеніе всѣхъ, кто подвертывался имъ подъ руку, правый ли, виноватый ли оказывался—безразлично, было введено въ систему, въ принципъ.

„Всѣ казаки подчинялись имъ, какъ военачальникамъ, и по первому ихъ приказанію бросались избивать, не соображая, не раздумывая, какъ автоматы, какъ слѣпая физическая сила“.

Между прочимъ г. Владиміровъ передаетъ такой эпизодъ.

„Когда Ждановъ по свѣжимъ слѣдамъ отправился производить разслѣдованіе о томъ, гдѣ ночевала Спиридонова, на какихъ станціяхъ, кто съ ней былъ, онъ вызвалъ къ допросу на ст. Жердевка помощника начальника станціи г. Полунина. Онъ его распрашивалъ о томъ, почему тотъ позволилъ ей ночевать на станціи, почему не донесъ объ этому станціонному жандарму, и когда получилъ отвѣтъ, что каждый разъ ночуетъ въ ожиданіи запоздавшихъ поѣздовъ много пассажировъ, и что это нигдѣ не запрещается, Ждановъ, окруженный казаками, ударилъ Полунина по лицу и крикнулъ ему:—„Замолчать!“ — Онъ ждалъ, что тотъ отвѣтитъ ему, если не дѣйствіемъ, то рѣзкимъ словомъ и тогда Ждановъ крикнетъ вѣрнымъ слугамъ своимъ:— „Въ нагайки его!“—И не быть бы ему тогда живому. Полунинъ смолчалъ, весь вспыхнувъ; въ его растерянности, въ безпомощности всей фигуры — было его спасеніе. Тутъ подвернулась какая-то барышня, хорошо одѣтая, которая отвлекла вниманіе Жданова; онъ ее приказалъ задержать и подвергнуть осмотру. Онъ ее бранилъ и оскорблялъ.

„Когда избіеніе публики на вокзалѣ было окончено, казаки возвратились къ своей распластанной на платформѣ жертвѣ и потащили ее за ногу къ выходу. Юбки задрались кверху, обнаживъ ноги и часть туловища. Когда ее сажали на извозчика, она была совершенно не живая; помогалъ ее усаживать тотъ-же жандармскій унтеръ-офицеръ Хитровъ; рядомъ съ ней сидѣлъ казачій офицеръ, и ее повезли въ квартиру исправника“.

Видѣли, какъ въ квартиру исправника она поднялась по лѣстницѣ и остановилась на верхней площадкѣ. Видъ у

нея былъ измученный, на лицѣ кровь; она прислонилась къ стѣнѣ и тяжело дышала; находилась въ полномъ сознаніи. Казачій офицеръ, доставившій ее, спросилъ:—„Гдѣ вашъ револьверъ?“ Она отвѣтила, что онъ выпалъ у нея изъ рукъ, когда ее били на станціи.—„Какъ ваша фамилія?“—„Я не здѣшняя,“—отвѣтила Спиридонова. Тогда офицеръ съ раздраженіемъ повторилъ свой вопросъ:—Я спрашиваю, какъ ваша фамилія? Слышите ли?“—„Я не здѣшняя, тамбовка,—съ трудомъ отвѣтила Спиридоновна, тяжело переводя дыханіе. Тогда со всего размаха нѣсколько разъ онъ ударилъ ее по лицу.—„Зачѣмъ вы меня бьете? Предавайте суду, разстрѣливайте, вѣшайте, но зачѣмъ истязуете меня?“—Вотъ слова, которыя слышалъ Б., безмолвно наблюдая всю эту сцену.

„Черезъ минуту офицеръ, увидавъ, что тутъ находятся посторонніе люди, приказалъ казакамъ выгнать всѣхъ вонъ, и что дальше было, ничего неизвѣстно.

„Видѣли также, какъ Спиридонову везли изъ дома исправника въ полицейскую часть. Съ ней рядомъ въ саняхъ сидѣлъ Аврамовъ и поддерживалъ ее за спину. Голова была запрокинута назадъ. Ѣхала безъ шапки, съ разбитыми, растрепанными волосами. Лицо въ крови. Въ это время шелъ снѣгъ, дулъ сильный вѣтеръ, и волосы развивались вѣтромъ во всѣ стороны. Видно было, что она находилась въ безсознательномъ состояніи, такъ какъ ея маленькій корпусъ, подпрыгивая въ саняхъ отъ неровностей дороги, раскачивался и валился на всѣ стороны. Везли ее очень быстро; спереди и сзади ѣхали на извозчикахъ полицейскіе чины и сопровождали казаки“.

Что было съ ней въ участкѣ, какимъ истязаніямъ

и пыткамъ ее здѣсь подвергали два палача—Аврамовъ и Ждановъ, въ обществѣ которыхъ Марія Александровна Спиридонова оставалась около 12 часовъ,—мы уже знаемъ. Но не мѣшаетъ все-таки привести здѣсь нѣсколько деталей, сообщаемыхъ г. Владиміровымъ, какъ дополняющихъ общую картину, дѣлающихъ ее болѣе цѣльною, болѣе понятною, если хотите.

„Полицейскій надзиратель, который былъ посаженъ на недѣлю подъ арестъ за то, что въ станичномъ волостномъ правленіи разсказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ во время дежурства въ полицейской части, когда Аврамовъ и Ждановъ пытали Спиридонову, передавалъ г. Владимірову:

—„Мнѣ было въ пальто холодно, а ее держали раздѣтой. Ее брали за косу и въ воздухѣ сѣкли нагайками, приказывая ей кричать; топтали ее ногами, потомъ вновь подымали за косу и сѣкли...“

„Другой свидѣтель, бывшій тоже въ части во время пытокъ Спиридоновой, казачій урядникъ М., находившійся большею частью при Аврамовѣ, разсказывалъ:— „На что я казакъ, но и то дрожь пробѣгаетъ по тѣлу, какъ вспомнишь про тѣ истязанія, которыя ей причиняли въ части“.

Г. Аврамовъ, какъ упоминала въ своемъ письмѣ и г-жа Спиридонова, былъ пьянъ и въ теченіе дня нѣсколько разъ „подкрѣплялся“ въ квартирѣ исправника, куда былъ помѣщенъ раненый Луженовскій и гдѣ происходили между ними троими, т. е. Аврамовымъ, Луженовскимъ и исправникомъ какія-то таинственныя совѣщанія. Повидимому, пытками М. А. Спиридоновой въ полицейскомъ застѣнкѣ руководилъ самъ Луженовскій, къ которому г. Аврамовъ нѣсколько разъ возвра-

щался изъ участка. Г. Владиміровъ такъ описываетъ то, что въ это время дѣлалось въ квартирѣ исправника. Раненаго Луженовскаго перевезли съ вокзала въ городъ, въ домъ исправника, гдѣ онъ и пролежалъ весь день, на попеченіи хозяина, находившагося при больномъ безотлучно. Луженовскій былъ въ сознаніи; въ скорости пріѣхалъ Аврамовъ; между ними тремя произошелъ какой-то разговоръ шепотомъ. Настроеніе было въ высшей степени тяжелое, кошмарное. Аврамовъ вновь уѣхалъ не надолго и черезъ какой нибудь часъ возвратился; къ этому времени столъ въ сосѣдней комнатѣ былъ густо уставленъ бутылками и разной закуской. Стояли всякаго рода вина, водки. Аврамовъ, еще раньше немного выпившій, съ жадностью сталъ выпивать рюмку за рюмкой. Часто подходилъ къ кровати больного, хватался за голову и причиталъ:—„Гаврила Николаевичъ! Что ты надѣлалъ? Эхъ! угораздило же тебя!“—Потомъ наклонялся къ нему и что-то шепотомъ говорилъ, страстно, много... Потомъ вновь исчезалъ, и черезъ небольшіе промежутки времени вновь появлялся. Опять выпивалъ, еще жалобнѣе причитывалъ:—Это я во всемъ виноватъ! Это изъ-за меня погибаетъ Гаврила! Не доглядѣлъ... не досмотрѣлъ... Допустилъ его выйти одного изъ вагона!..“—И вновь хватался за голову, чокался съ исправникомъ и подкрѣплялъ себя водкой. Исправникъ съ вѣсомъ и покровительственно успокаивалъ его, уговаривалъ не терять бодрости и энергичнѣе вести разслѣдованіе дѣла.—„Мужайся, знай свое дѣло, продолжай его!“—твердилъ исправникъ, потомъ шепотомъ что-то говорилъ ему, наклоняясь къ самому уху.

„Когда Аврамовъ возвратился къ Луженовскому, нѣсколько ободренный успѣхомъ исполненнаго порученія,—

обыска публичной библіотеки,— онъ долго бесѣдовалъ потихоньку съ исправникомъ и Луженовскимъ, потомъ началъ прикладываться—къ бутылкамъ и опять сталъ хвататься за голову, со всевозможными причитаньями. Онъ даже плакалъ, хотя не собственными слезами,—то плакала водка, обильно выпитая имъ".

Послѣ достаточныхъ возліяній г. Аврамовъ вновь возвращался въ застѣнокъ, чтобы продолжать пытки г-жи Спиридоновой.

Нельзя не упомянуть о такой подробности: когда докторъ, покончивъ съ перевязками Луженовскаго, обратился къ исправнику и сказалъ ему:— „Теперь надо пойти къ Спиридоновой, посмотрѣть ее и оказать медицинскую помощь; она въ ней нуждается, такъ какъ ее сильно избили". На это исправникъ рѣзко возразилъ:— „Ни доктора, ни слѣдователя къ ней не пущу!"

Ночью г. Аврамовъ повезъ съ экстреннимъ поѣздомъ М. А. Спиридонову въ Тамбовъ.

Г. Владиміровъ такъ описываетъ эту поѣздку палача и его жертвы.

„Когда ее нужно было вывозить изъ полицейской части на вокзалъ желѣзной дороги, она чувствовала себя очень плохо, и администрація приказала по телефону желѣзнодорожному фельдшеру Зимину сопровождать ее до станціи Терновка.

„Зиминъ былъ свидѣтелемъ крайне грубаго и циничнаго обращенія Аврамова со Спиридоновой. Площадная ругань такъ и висѣла въ воздухѣ. Подобное обращеніе оскорбляло даже Зимина, какъ мужчину; онъ никогда не слыхалъ такого богатаго лексикона отборныхъ ругательныхъ словъ, подбора ихъ и группировки. Когда Зиминъ ее встрѣтилъ въ вагонѣ II класса,

она была ужасно избита; лицо было кѣмъ-то перевязано, въ кровоподтекахъ, въ синихъ, кровавыхъ пятнахъ. При ней находился Аврамовъ, совершенно пьяный, затѣмъ полицейскій чинъ (какъ оказалось Новиковъ) и нѣсколько казаковъ. При первомъ взглядѣ Зиминъ подумалъ, что лѣвый глазъ у нея совершенно выбитъ, а правый настолько заплылъ, что почти не глядѣлъ. Все лицо слилось въ одну общую вздутую маску съ синими и кровяными оттѣнками. Аврамовъ все время, продолжая ругаться, страшно издѣвался надъ ней. Подставлялъ къ ней свою грудь, прося убить его; кричалъ ей: — „Стрѣляй въ меня! Стрѣляй! Ну, что же, вѣдь ты же убила Луженовскаго, убивай меня!“ — Подставляя ей такъ храбро свою грудь, онъ хорошо зналъ, что ей стрѣлять нечѣмъ, да и казаки тутъ. Потомъ съ риторическимъ паѳосомъ, ударяя себя въ грудь, восклицалъ:

— „Хорошо тебѣ досталось отъ насъ; мы на то и казаки, чтобы избивать васъ!..

„Въ этомъ вагонѣ, кромѣ перечисленныхъ лицъ, никого больше не было. Подъѣзжая къ ст. Терновка, Аврамовъ сталъ протрезвляться и перемѣнилъ свое обращеніе къ ней на болѣе ласковый тонъ. Сталъ къ ней внимательнѣй, ухаживалъ за ней; называлъ ее ласкательными именами. Вскорости фельдшеръ сошелъ на станціи Терновка, и что было дальше — неизвѣстно.

„Наступилъ уже четвертый часъ ночи...

„Когда Аврамовъ возвращался назадъ, изъ Тамбова въ Борисоглѣбскъ, сдавъ Спиридонову тюремной администраціи въ полуживомъ состояніи, онъ въ поѣздѣ встрѣтилъ знакомаго.

„Аврамовъ находился въ угнетенномъ, подавленномъ состояніи; чувствовалъ себя плохо и искалъ случая по-

редъ кѣмъ бы вылить свои душевныя тревоги. Онъ разсказалъ, что произошла непріятная для него исторія. Сопровождая въ Тамбовъ Спиридонову, онъ помѣстилъ ее для удобства во II-й классъ, и она вскорости заснула; проснувшись; она потребовала Аврамова къ себѣ и попросила купить ей чашку кофе и хлѣба съ икрой. Онъ это исполнилъ, удовлетворилъ ея желаніе, и когда она заговорила съ нимъ, онъ остался у нея въ отдѣленіи и слушалъ ее. Спиридонова разсказывала Аврамову, что умѣетъ хорошо стрѣлять: изъ десяти пуль попадаетъ 6 штукъ, пуля въ пулю; затѣмъ попросила его, что когда будутъ ее вѣшать, то чтобы веревка была покрѣпче, такъ какъ въ Россіи и вѣшать не умѣютъ: веревки рвутся и т. д.

„Поговоривъ съ ней, онъ ушелъ оттуда, оставивъ ее одну спать. Когда же Аврамовъ привезъ Спиридонову въ тюрьму, она оклеветала его передъ администраціей въ вольномъ обращеніи съ нею и въ томъ, что Аврамовъ позволилъ нѣчто большее, воспользовавшись ея слабостью и безсиліемъ. Разсказывая про эту непріятную исторію, онъ говорилъ, что ему весьма обидно, что такая клевета можетъ пасть на его доброе имя и опозорить честь его офицерскаго мундира“...

О состояніи М. А. Спиридоновой въ тюрьмѣ даетъ извѣстное представленіе актъ осмотра ее, произведеннаго врачемъ. Г. Владиміровъ приводитъ главное содержаніе этого документа. Вотъ оно.

„Когда въ тюрьму явился врачъ для освидѣтельствованія, Спиридонова отказалась подвергнуться подробному осмотру—со стороны живота, груди и спины. Остальныя части тѣла она показала. На нихъ найдено: лицо все было отечное, въ сильныхъ кровоподтекахъ съ крас-

ными и синими полосами. Въ теченіе порядочнаго промежутка времени Спиридонова не могла раскрыть рта, вслѣдствіе страшной опухлости губъ, по которымъ наносились удары. Надъ лѣвымъ глазомъ содрана кожа размѣромъ въ серебряную монету въ пятьдесятъ копеекъ, обнаживъ живое мясо. Въ серединѣ лба имѣется продолговатая гноящаяся полоса, на которой содрана кожа. На правой сторонѣ по лбу, ближе къ волосамъ, тоже содрана кожа, но какого размѣра въ протоколѣ не указано. Лѣвая сторона лица особенно сильно отечна. Вслѣдствіе страшной опухлости этой части лица (очевидно били правой рукой, или съ праваго плеча) лѣвый глазъ закрылся и въ теченіе недѣли докторъ не могъ его открыть для освидѣтельствованія цѣлости глаза,— на столько сильно опухли оба вѣка.

„Затѣмъ черезъ недѣлю, когда опухлость вѣкъ нѣсколько уменьшилась и доктору удалось открыть глазъ, то глазъ ничего не видѣлъ. По мнѣнію врача, произошло кровоизліяніе въ сѣтчатку. Въ настоящее время зрѣніе начинаетъ понемногу возвращаться; больная различаетъ контуры предметовъ, различаетъ рѣшетку въ окнѣ; отличаетъ бѣлый цвѣтъ отъ чернаго. Правый глазъ тоже сильно пострадалъ; вся часть около глаза сильно отекла, вѣки опухли, оставивъ только маленькую щелку, черезъ которую больная могла смотрѣть на окружающее. Зрѣніе праваго глаза сильно уменьшено. Кисти рукъ были синія, отечныя, сильно вспухшія, по[illegible] что особенно сильно были избиты и носили слѣды [illegible] ровъ нагайки. Лѣвая кисть особенно сильно вспухла и имѣетъ большіе кровоподтеки; надъ мизинцемъ лѣвой руки содрана кожа съ обнаженіемъ мяса величиною съ серебряный пятакъ. На лѣвомъ предплечьѣ нѣсколько

сильныхъ кровоподтековъ и красныхъ полосъ отъ нагаекъ. Эти красныя полосы имѣютъ особенный характеръ: въ серединѣ проходитъ бѣлая глубокая полоса съ очерченнымъ контуромъ, а по краямъ двѣ красныя расплывающіяся широко въ сторону. Кисть правой руки была вся отечная и сильно вспухшая; правое плечо тоже отечное, въ полосахъ красныхъ и синихъ.

„На ладонной сторонѣ лѣвой кисти были кровоподтечныя полосы между пятымъ и четвертымъ пальцами. Ступни обѣихъ ногъ страшно отечныя, есть кровоизліянія и красныя полосы отъ нагаекъ; такія же полосы и кровоизліянія имѣются на бедрахъ и на колѣняхъ. На ступняхъ ногъ имѣется содранная кожа. Около колѣнъ на обѣихъ ногахъ тоже есть содранная кожа порядочнаго размѣра. Большой палецъ одной ноги сильно опухъ и окровавленъ отъ удара чѣмъ-то тупымъ. Шея вся отечная, сильный кровоподтекъ распространяется изъ-подъ праваго уха назадъ, на спину, надо думать оттого, что на шею мучители наступали сапогами и давили ее. Легкія совершенно отбиты, и въ нихъ произошло кровоизліяніе, поэтому у Спиридоновой все время шла кровь горломъ, такъ что приходилось давать сильные кровоостанавливающія лекарства, послѣ чего кровь немножко унималась. Переломовъ, вывиховъ, поврежденій другихъ внутреннихъ органовъ, кромѣ всего пере[illegible]деннаго, не наблюдалось; быть можетъ, отчасти по[illegible]у, что она не давалась осматривать. Когда ее при[illegible]ли въ тюрьму, — значится въ протоколѣ, — Спиридонова не могла совершенно двигаться, была въ безсознательномъ состояніи, постоянно бредила поѣздомъ и казачьимъ офицеромъ; потомъ стали появляться промежутки яснаго сознательнаго состоянія, когда она очень

хорошо говорила, вспоминала всѣ подробности прошедшаго, разсказывала доктору о тѣхъ мученіяхъ, которымъ подверглась со стороны казачьяго офицера и полицейскаго чина, а затѣмъ вновь впадала въ бредъ. Эти состоянія часто чередовались другъ съ другомъ. На первомъ допросѣ слѣдователя въ Тамбовѣ Спиридонова отвѣчала все очень сознательно до того момента, когда подошла къ разсказу объ убійствѣ Луженовскаго. Тогда она начала бредить и слѣдствіе было прервано. Когда моменты сознательнаго состоянія стали все чаще проявляться и она начала понимать окружающее, тогда ею овладѣли галюцинаціи. Страшныя галюцинаціи ее преслѣдовали и нарушали ея покой; всего чаще галюцинировала она казачьимъ офицеромъ и поѣздомъ, въ которомъ возвращалась въ Тамбовъ. Она вскрикивала, металась въ кровати, хотѣла уйти, спрятаться отъ этого казачьяго насильника; во время галюцинаціи рисовала картины въ вагонѣ, тотъ ужасъ, который ее тамъ преслѣдовалъ, который она тамъ переживала".

Когда привезли М. А. Спиридонову въ Тамбовъ и „пожелали удостовѣрить личность доставленной казаками изъ Борисоглѣбска дѣвушки и пригласили для опознанія ея одного изъ служащихъ въ дворянскомъ тамбовскомъ собраніи — В. А. Анушкина, у котораго Спиридонова полтора года работала въ качествѣ конторщицы, тотъ, осмотрѣвъ ее, сказалъ, что Спиридонову онъ хорошо знаетъ, такъ какъ дѣйствительно она давно работаетъ у него, но признать въ этой безсознательно лежавшей дѣвушкѣ Спиридонову съ синими, красными подтеками, безъ глаза, со вздутымъ, опухшимъ лицомъ, наполовину забинтованнымъ, онъ не можетъ,

онъ не узнаетъ ее. „Это не она, не Маруся Спиридонова, а другая какая-то!“

Не удивительно, конечно, послѣ всего того, что съ ней было продѣлано въ Борисоглѣбскѣ на вокзалѣ, въ полицейскомъ застѣнкѣ и по пути въ Тамбовъ, въ вагонѣ... М. А. Спиридонову истязали, подвергли средневѣковой пыткѣ, съ цѣлью вынудить у нея необходимыя для „власти“ показанія и не находили даже нужнымъ маскировать свои преступленія, хоть какъ нибудь затушевать ихъ. Всякія стѣсненія тамбовскіе „дѣятели“, вродѣ Богдановича, Луженовскаго и ихъ подручныхъ, давно ужь бросили, какъ нѣчто совершенно лишнее и даже вредное. Своими преступленіями они бравировали, они дошли въ нихъ до крайней степени цинизма, до той ступени, ниже которой человѣкъ уже не можетъ спуститься. Это возможно было, конечно, лишь при одномъ условіи: при полной увѣренности не только въ безнаказанности всякаго совершеннаго ими преступленія, но еще и въ томъ, что оно заслуживаетъ поощренія и награды. И, какъ показалъ недавній процессъ г.г. Нейдгардта и Курлова, для такой увѣренности у нихъ было полное основаніе.

Г. Владимировъ даетъ довольно много матеріала для обрисовки нравственной физіономіи г. Аврамова. Вотъ какъ, между прочимъ, онъ описываетъ исполненіе г. Аврамовымъ того таинственнаго порученія, которое было дано ему уже раненымъ Луженовскимъ изъ квартиры Борисоглѣбскаго исправника. Порученіе состояло въ томъ, что г. Аврамовъ долженъ былъ взять 20 казаковъ, 2 подводы и немедленно произвести нападеніе на Борисоглѣбскую публичную библіотеку. „Скорѣй!“ командовалъ Луженовскій, и г. Аврамовъ бросился выпол-

нять его приказанія совмѣстно съ г. Ждановымъ, своимъ достойнымъ сподвижникомъ по истязаніямъ и пыткамъ г-жи Спиридоновой.

Прибывъ съ казаками въ библіотеку и „войдя въ первую комнату, гдѣ было порядочно народа, пришедшаго мѣнять книги (тутъ были учащіеся, горничныя, дворники, всѣ тѣ, кто обычно приходитъ за книгами), Аврамовъ зычнымъ голосомъ крикнулъ: — „Оставаться на мѣстахъ, иначе стрѣлять буду!“.. Казаковъ выстроилъ въ шеренгу и приказалъ навести ружья.

„Такія предосторожности онъ принялъ тамъ, гдѣ половина была женщины, и всѣ до одного невооруженные. Такая сила понадобилась ему тамъ, гдѣ никто не хотѣлъ оказывать никакого сопротивленія, гдѣ люди собрались не для битвы, а для просвѣтительныхъ мирныхъ цѣлей. Принявъ всѣ необходимыя военныя мѣры противъ столь опаснаго противника, Аврамовъ храбро приступилъ къ обыску. Аврамовъ принялъ на себя болѣе пріятную роль, какъ онъ самъ выразился вслухъ при всѣхъ присутствовавшихъ, обыскивать барышенъ. Эти обыски онъ производилъ такъ безцеремонно, позволялъ себѣ водить рукой по нѣскольку разъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ обыкновенно ничего не хранится, да и не можетъ храниться, что одна изъ барышенъ не выдержала столь безсовѣстнаго и наглаго отношенія и крикнула рѣзко:—„Я не позволю вамъ такъ обращаться со мной. Можете убить, если хотите; но этихъ вещей я не позволю вамъ дѣлать!“—Ахъ, mademoiselle, помилуйте!—вѣдь это такъ пріятно!—фамильярнымъ тономъ отвѣтилъ любезный Аврамовъ и продолжалъ ее обыскивать тѣмъ же пріемомъ.—„Если вамъ пріятно, то мнѣ противно! Слышите! Оставьте, я вамъ говорю“! — въ

страшномъ негодованіи воскликнула дѣвушка. Тутъ тонъ офицера сразу перемѣнился, и рѣзкимъ, грубымъ голосомъ онъ крикнулъ:—„Молчать, сударыня! Ни слова“!..

И воцарилось гробовое молчаніе. Только нервно подергивалось лицо бѣдной дѣвушки, все залитое краснымъ румянцемъ; слезы стыда и оскорбленія еле удерживались на ея прелестныхъ глазахъ. Она растерянно смотрѣла на окружающихъ; она не понимала, за что онъ оскорбилъ ее? почему онъ такъ нагло осквернилъ ея цѣломудріе и чистоту? Неужели только потому, что она безсильна и слаба, а у него 25 свирѣпыхъ казаковъ, вооруженныхъ ружьями, нагайками, готовыхъ броситься по первому мановенію его руки...

„Изъ тяжелаго раздумья вывелъ ее рѣзкій, грубый голосъ Аврамова: „Ты жидъ?“ Этотъ вопросъ относился къ мальчугану лѣтъ 17-ти, стоявшему неподалеку отъ барышни. Тотъ отвѣтилъ: „Я еврей“.

—„А, ты еврей! а не жидъ... очень пріятно познакомиться съ вами, господинъ іерусалимскій дворянинъ!“—и при этихъ словахъ хлесткіе удары по лицу посыпались на бѣднаго еврея. Онъ молчалъ, еле удерживаясь отъ крика вслѣдствіе сильной физической боли; билъ онъ его дѣйствительно сильно, и какъ-то умѣло и ловко, такъ что скоро лицо окровянилось и брызги крови попали на окружающихъ. Одна изъ такихъ капель попала на руку одной молоденькой барышнѣ. Она въ ужасѣ вскрикнула:—„У меня на рукѣ кровь!.. Что вы дѣлаете? Извергъ“! Аврамовъ быстро повернулся, увидалъ красивое, пухленькое личико съ протянутой впередъ хорошенькой рукой, сразу весь перемѣнился, улыбнулся, вынулъ изъ кармана платокъ и со словами: „Ахъ! pardon, mademoiselle!.. какая съ моей стороны неосто-

рожность!“ вытеръ ей съ руки каплю крови. Она съ чувствомъ омерзѣнія выдернула свою руку, когда тотъ задержалъ ее въ своей рукѣ. Затѣмъ Аврамовъ моментально вновь перемѣнился, повернулся къ своей прежней жертвѣ, къ мальчугану-еврею. Замѣтивъ на его лицѣ капли слезъ, которыя тотъ не смогъ сдержать, не смотря на то, что прилагалъ всѣ усилія къ тому, Аврамовъ со свирѣпымъ лицомъ вновь размахнулся и началъ наносить ему съ плеча удары по лицу, приговаривая:

—„Вотъ какъ. . Ты плачешь? Такъ вотъ тебѣ за твои нѣжности... Получай!.. Еще!.. Не плачь, іерусалимскій дворянинъ,!—и удары сыпались хлестко и часто.

„Обыскъ продолжался. Всѣ понимали, что судьба каждаго изъ нихъ находится въ полной зависимости отъ страшнаго произвола этого дикаго, жестокаго человѣка, который быстро переходитъ отъ состоянія кровожаднаго звѣря къ состоянію умиленнаго похотливыми побужденіями сладострастника, не могущаго равнодушно видѣть женское лицо, женскую фигуру. Всѣ понимали это и съ ужасомъ ждали развязки. Она не замедлила явиться.

„Въ читальнѣ подъ столомъ нашли кѣмъ то выброшенную нелегальную брошюру. Кому она принадлежала—неизвѣстно. Аврамовъ разсвирѣпѣлъ и крикнулъ: „Если не скажете, кто это сдѣлалъ, я васъ всѣхъ перестрѣляю! Слышите, пусть лучше сознается тотъ, кто это сдѣлалъ, нежели пострадаютъ невинные люди!“ Никто не сознавался. Аврамовъ нѣсколько разъ повторялъ свою страшную угрозу, и всѣ были увѣрены, что онъ ее приведетъ въ исполненіе. Ждали разстрѣла. По его предыдущимъ выходкамъ никто не сомнѣвался, что ему ничего не стоитъ пролить кровь тридцати-сорока человѣкамъ. Минута была ужасная; всѣ ждали смерти.

„Вдругъ Аврамовъ, посовѣтовавшись со Ждановымъ, приказалъ всѣхъ до единаго отправить въ тюрьму, а библіотеку закрыть. Всю толпу окружили казаки и повели къ тюремному замку, гдѣ ихъ продержали отъ 3 дней до недѣли, не найдя за ними никакой вины. По дорогѣ казаки позволяли себѣ самыя грубыя, циничныя выходки, ругались, острили; грозили нагайками тѣмъ, кто отставалъ или замедлялъ шагъ. Къ библіотекѣ приставили часовыхъ и три недѣли она была закрыта".

Г. Владиміровъ рисуетъ г. Аврамова, какъ человѣка дикаго, необузданнаго. Будучи еще молодымъ человѣкомъ—около 30 лѣтъ,—онъ отличается злымъ и жестокимъ характеромъ. Много пьетъ, что даже замѣтно по его физіономіи, которой онъ, видимо, очень занимается. Г. Жданова г. Владиміровъ характеризуетъ такъ:— „Мальчишка 22 лѣтъ; раньше помощникъ пристава, нынѣ исполняющій обязанности пристава 3-го участка г. Тамбова, получившій повышеніе послѣ своихъ подвиговъ по дѣлу Спиридоновой".

По своей жестокости, развращенности и цинизму— это достойный сотоварищъ г. Аврамова.

„Луженовскій, говоритъ г. Владиміровъ, оказывалъ имъ обоимъ большое довѣріе и поручалъ важныя дѣла; еще въ Тамбовѣ онъ выдѣлилъ Жданова, какъ способнаго и вѣрнаго человѣка, и взялъ его потому съ собой въ усмирительную экспедицію. Аврамова онъ отыскалъ въ Борисоглѣбскѣ и оставилъ его при себѣ въ качествѣ охранителя".

Если личность г.г. Аврамова и Жданова, непосредственно пытавшихъ и истязавшихъ г. Спиридонову, представляетъ извѣстный общественный интересъ, то не меньшій интересъ представляетъ и личность ихъ вдохнови-

теля - Луженовскаго. Интересъ, возбуждаемый имъ, пожалуй, даже большiй, хотя бы уже потому, что онъ образованный человѣкъ, бывшiй присяжный повѣренный.

Г. Владимiровъ говоритъ о немъ, что ему было 32—35 лѣтъ. Онъ помѣщикъ Тамбовской губернiи, въ Тамбовѣ поселился по окончанiи университета и занимался адвокатурой, составивъ себѣ имя дѣльнаго, честнаго, либерально настроеннаго юриста.

Послѣ ряда некоректныхъ, съ общественно-политической точки зрѣнiя, поступковъ съ его стороны, совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ возбудилъ вопросъ объ исключенiи его изъ сословiя присяжной адвокатуры.

Узнавъ это, онъ самъ покинулъ сословiе.

Ренегатство Луженовскаго было откровенное и циничное, какъ и все, что онъ дѣлалъ.

Бросивъ адвокатуру, онъ перешелъ въ ряды администрацiи, которую еще нѣсколько недѣль назадъ громилъ и оплевывалъ въ своихъ рѣчахъ, получивъ мѣсто совѣтника губернскаго правленiя. Его служебную дѣятельность г. Владимiровъ характеризуетъ такъ. Попавъ въ ряды правящей бюрократiи, „онъ вскорости прiобрѣлъ себѣ славу усердствующаго цензора „Тамбовскаго Голоса“, вычеркивавшаго цѣлые номера газеты. Потомъ Луженовскiй занялся усиленно организацiей черной сотни, для чего къ его услугамъ былъ предоставленъ губернскiй органъ „Тамбовскiя Губернскiя Вѣдомости“. Тамъ онъ помѣщалъ статьи, удивительныя по своему цинизму, открытому порицанiю всего того, чему онъ прежде вѣрилъ, поклонялся. На страницахъ этой газеты, бесѣдуя со вновь организованной бандой—черной сотней, которой онъ считается родоначальникомъ и патрiархомъ, Луженовскiй торопливо сжигалъ свои корабли, сжигалъ

безъ остатка, съ озлобленіемъ, подкидывая горючіе матеріалы, чтобы ускорить этотъ процессъ.

„И дѣйствительно, въ скорости онъ былъ отмѣченъ высшимъ начальствомъ, какъ человѣкъ вполнѣ преданный бюрократизму, готовый и участвовать во всѣхъ дѣяніяхъ его, какъ человѣкъ, достаточно убившій въ себѣ душу живу. Правительство назначило его съ отрядомъ солдатъ усмирять крестьянъ и подавить аграрные безпорядки. Здѣсь онъ развернулся во всю, далъ выходъ всѣмъ своимъ жестокимъ инстинктамъ; не было границъ его безпредѣльной жаждѣ мучить и наносить страданія лицамъ, сталкивавшимся съ нимъ. Вѣрны были слова Аврамова, обращенныя къ Спиридоновой, во время пытокъ надъ ней: „У насъ цѣлыя села коровами ревѣли!“—Дѣйствительно, ревѣли коровами, но въ то же время и проклинали своего палача, взывали къ отмщенію, призывали смерть мучителю“.

Желающіе ближе ознакомиться съ тѣмъ, что творилось въ Тамбовской губерніи, найдутъ нѣкоторые любопытные факты въ очеркахъ г. Ганейзера въ № 1 „Современныхъ Записокъ“: „Въ Тамбовской Манджуріи“ Я позволю себѣ привести здѣсь всего два факта, которые покажутъ, до какой степени вѣрно, что въ этой злополучной губерніи творилось нѣчто такое, отчего дѣйствительно могли „ревѣть коровами“ цѣлыя села. Авторами всѣхъ тамбовскихъ ужасовъ, какъ свидѣтельствуетъ г. Ганейзеръ, общее мнѣніе называетъ двухъ мѣстныхъ администраторовъ—совѣтника губернскаго правленія Луженовскаго и вице-губернатора Богдановича. Теперь они ужъ оба сошли со сцены: и тотъ, и другой убиты.

Образчикомъ карательной экспедиціи въ Тамбовской

губерніи можетъ служить печальная исторія с. Серединовки Борисоглѣбскаго уѣзда, гдѣ въ ноябрѣ прошлаго года часть крестьянъ увезла у владѣльца сосѣдняго хутора Бокина изъ амбаровъ хлѣбъ.

Г. Ганейзеръ такъ описываетъ этотъ эпизодъ.

„Карательная экспедиція“ въ Серединовку производилась подъ начальствомъ полицейскаго урядника Рыжова. Послѣднему, надо полагать, были присвоены, по меньшей мѣрѣ, генералъ-губернаторскія полномочія.

„Крестьяне увезли хлѣбъ 3 ноября. На другой же день, по настоянію и просьбамъ священника, нѣкоторые изъ нихъ стали отвозить хлѣбъ обратно къ Бокину. Дня черезъ два пріѣхалъ становой приставъ и, созвавъ сходъ, убѣждалъ крестьянъ возвратить все похищенное.

„Очень многіе послушались и на хуторъ Бокина опять потянулись возы съ рожью и прочимъ домашнимъ скарбомъ, увезеннымъ крестьянами.

„Прошло еще 3 дня, и въ Серединовку явился „генералъ-губернаторъ“—Рыжовъ, сопровождаемый 9 солдатами. Рыжовъ приказалъ созвать сходъ. Нетерпѣніе его было такъ велико, что крестьяне еще не успѣли собраться, какъ онъ скомандовалъ:

— „Въ плети“!

„Два первыхъ попавшихся крестьянина были схвачены и выпороты плетьми. Остальные бросились бѣжать: солдаты погнались за ними.

„Поймали двоихъ — Григорія Артамонова и Никифора Лашкина, и—выпороли.

„На другой день утромъ Рыжовъ опять созвалъ сходъ и приказалъ, чтобы всѣ серединовскія мельницы прекратили работу и не смѣли принимать хлѣба въ размолъ.

—„Весь хлѣбъ изъ амбаровъ отвезти на хуторъ Бокина! Весь до послѣдняго зерна“!—кричалъ Рыжовъ, уснащая свою рѣчь крѣпкими словами.

„И крестьяне повезли всѣ: и правые, и виноватые. Крестьянами, не участвовавшими въ расхищеніи хлѣба, было доставлено Бокину свыше 3000 мѣръ ржи и овса.

„Въ тотъ же день вечеромъ на сходѣ, все подъ охраной солдатъ, Рыжовъ потребовалъ выдать виновныхъ. Сходъ назвалъ 7 человѣкъ.

„На другой день солдаты уѣхали; уѣхалъ и Рыжовъ.

„А экспедиція далеко еще не была закончена. На 15-е ноября сходу было приказано собраться и ждать становаго. Прождали на сходѣ весь день. Становой не пріѣхалъ. А встрѣчать его приготовились торжественно: выставили столы, покрытые скатертью, поставили хлѣбъ-соль...

„За то на другой день, 16-го ноября, совершенно неожиданно явился урядникъ Рыжовъ, а съ нимъ 7 солдатъ и 6 казаковъ. Опять собрали сходъ. Крестьяне всѣмъ сходомъ упали на колѣни и обнажили головы. Рыжовъ похаживалъ, посмѣивался и выкликивалъ виновныхъ. Ихъ отдѣлили и отвели въ сторону на нѣсколько шаговъ, всего 13 человѣкъ, изъ нихъ 6 были указаны Бокинымъ.

— „Ложись“!—скомандовалъ Рыжовъ.

„Крестьяне легли и началось истязаніе.

„Били нагайками и плетьми, били съ какой-то свирѣпой безпощадностью. Крестьянину Якову Отставному выбили глазъ; его брату Николаю пробили черепъ до мозга; крестьянина Королева забили до потери сознанія...

„Вотъ какъ описываетъ очевидецъ дальнѣйшую картину истязанія въ одномъ документѣ, копія котораго хранится въ моемъ портфелѣ. Во время избіенія Рыжовъ подходилъ то къ одному, то къ другому изъ истязуемыхъ и надругался надъ ними. Онъ «топталъ Королева, держалъ ногу на шеѣ старика Панина и вдавливалъ голову Панина въ грязь. Но больше всего били Дѣева. Ему было дано около 100 ударовъ. Сначала онъ лежалъ лицомъ къ землѣ, затѣмъ перевернулся на спину. Его продолжали бить куда попало...»

„Уже почти теряя сознаніе, онъ приподнялся на локтѣ.

— „Братцы, простите! Умираю“...—простоналъ онъ.

— „А, ты живъ еще“!—воскликнулъ казакъ.

„И, бросивъ нагайку, онъ схватилъ ружье и выстрѣлилъ въ Дѣева почти въ упоръ. Дѣевъ упалъ и больше не приходилъ въ сознаніе. Онъ умеръ дорогой, когда его, истекающаго кровью, везли въ телѣгѣ въ волостное правленіе.

„Тотъ же очевидецъ, мѣстный крестьянинъ, сообщаетъ далѣе, что во время истязанія казаки сняли съ Дѣева сапоги,—а съ крестьянина Зайцева—сапоги съ калошами и взяли ихъ себѣ.

„Сходъ все время стоялъ на колѣняхъ безъ шапокъ...

„Наконецъ, истязаніе прекратилось.

— „Будете грабить?—воскликнулъ Рыжовъ обращаясь къ сходу.

— „Не будемъ“!—отвѣчали крестьяне.

— „Будете грабить“?—вторично крикнулъ Рыжовъ обращаясь къ сходу.

— „Не будемъ“!—отвѣтилъ сходъ.

„И въ третій разъ повторилъ Рыжовъ свой вопросъ и получилъ тотъ же отвѣтъ.

— „Кланяйтесь въ ноги“!—закричалъ онъ.

„Весь сходъ бухнулся на землю и, охваченный страхомъ, лежалъ, не поднимая головы.

„Въ это время казацкій урядникъ, гарцовавшій тутъ же на лошади, погналъ ее прямо на крестьянъ. Умное животное осторожно пробиралось между людьми и почти никого не задѣло. Другое животное, сидѣвшее на лошади, размахивая обнаженной шашкой, наносило плашмя удары по спинамъ неподвижно лежавшихъ крестьянъ.

„Глубокая покорность, съ какой люди, охваченные паническимъ страхомъ, переносили издѣвательства и истязанія, возбудило всѣ низкіе инстинкты въ темной душѣ истязателей.

—„Вали всѣхъ безъ разбора“!—закричалъ Рыжовъ.

„Казаки и солдаты бросились на крестьянъ и стали хлестать нагайками направо и налѣво.

—„Стойте!“ — закричалъ кто-то изъ нихъ. — Эй, мужичье, давайте по рублю, — не станемъ пороть больше“...

„Съ лихорадочной поспѣшностью начали крестьяне доставать деньги. У кого не было, тому давалъ сосѣдъ. Порка прекратилась. Наступилъ вечеръ. Рыжовъ съ командой отправился на ночлегъ на хуторъ Бокина.

„Старостѣ отданъ былъ приказъ: доставить полведра водки, пива и ведро яблокъ. На хуторѣ началось пьянство. Дикіе инстинкты разгуливались все сильнѣе. Работниковъ Бокина послали въ деревню за бабами. Тѣ привели 5 женщинъ. Имъ было сказано: «идите стряпать для солдатъ...» Въ домѣ крестьянина А—ва,

его молодая жена, которую посланцы требовали на хуторъ, рѣшительно отказалась. Мать и мужъ уговаривали ее идти...

— „Убьютъ... Силой уведутъ... — говорили они.— Хуже будетъ и тебѣ и намъ“.

„Но молодая женщина схватила на руки ребенка и сказала:

— „Хоть убейте,—не пойду“!

„Ее оставили. Но другихъ потащили на хуторъ. Тамъ началась оргія...

„Глухой ночью Рыжовъ и казацкій урядникъ отправились въ замершую отъ ужаса деревню и стали ходить по избамъ, требуя денегъ.

„Крестьяне отдавали безпрекословно все, что у нихъ было. На другой день вечеромъ — опять разгулъ на хуторѣ Бокина.

„Женщинъ потребовалось больше. Приказано было привести девять, но привели только 5. У меня записаны ихъ имена. Тогда нѣкоторые казаки и солдаты сами отправились ночью въ деревню, обходили избы, требовали денегъ, насиловали женщинъ.

„Въ избу крестьянина Николая К—ва явился казакъ и съ угрозой требовалъ денегъ. Но денегъ не было.

— „Полѣзай на печь!—кричалъ казакъ крестьянину.

„Тотъ повинуется совершенно машинально.

„Казакъ хватаетъ его жену, выталкиваетъ въ сѣни и тамъ насилуетъ. Затѣмъ казакъ возвращается въ избу, а на его мѣсто въ сѣни является другой...

„Болѣе зажиточные крестьяне откупались.

„Урядникъ Рыжовъ получилъ отъ крестьянъ: Ан-

дрея Чернышева—20 руб., Федора Рудакова—20 р., Ивана Дѣева—20 руб., Лаврентія Рудакова—12 р. Когда денегъ больше не оказалось, стали взламывать сундуки, вытаскивали бѣлье, чулки, полотенца.

„Въ какомъ паническомъ страхѣ находились крестьяне, можно судить по слѣдующему маленькому эпизоду. Утромъ въ деревню явился пастухъ Бокина, парнишка 15 лѣтъ. Онъ заходилъ въ избы, заявляя, что его послали собирать чулки и полотна. Крестьяне безпрекословно исполняли его требованія". Наконецъ становой приказалъ старшинѣ удалить солдатъ и казаковъ. „Однако, когда Рыжову было передано это распоряженіе, онъ его не одобрилъ".

— „Здѣсь еще продолжается мятежъ"!—сказалъ онъ. —„Мы еще не исполнили царской воли. Мы пробудемъ здѣсь еще день". И онъ явился со своей командой въ Серединовку и выпоролъ еще 15 человѣкъ".

Это дѣйствовалъ одинъ изъ Аврамовыхъ и Ждановыхъ, какими теперь полна Тамбовская губернія, руководимый Луженовскимъ, а вотъ какъ поступалъ этотъ послѣдній самъ лично.

„Въ селѣ Каріанъ, Тамбовскаго уѣзда, говоритъ г. Ганейзеръ, не было никакихъ безпорядковъ. Крестьяне никого не громили и все тамъ было совершенно спокойно. Но село лежало на пути побѣдоноснаго шествія г. Луженовскаго съ казаками и солдатами. Было приказано собрать сходъ.

— „На колѣни! Шапки долой"!—скомандовалъ г. Луженовскій. Могъ ли онъ иначе разговаривать съ „гражданами", которымъ обѣщаны незыблемыя основы личной неприкосновенности?

„Это требованіе унизительной, рабской покорности,

поддерживаемое разстрѣлами и нагайками, является наиболѣе характерной особенностью въ дѣятельности тамбовскихъ усмирителей.

„Крестьяне опустились на колѣни и обнажили головы.

— „Кто изъ нихъ велъ разговоры?..—спрашиваетъ г. Луженовскій урядника.

„Разговоры“ оказываются единственнымъ обвиненіемъ, предъявленнымъ противъ крестьянъ села Каріана.

„Урядникъ безъ колебаній называетъ трехъ лицъ.

— „А вотъ я ихъ научу разговаривать,—говоритъ г. Луженовскій.

„И нагаечники совершаютъ свое гнусное дѣло.

„Въ числѣ названныхъ урядникомъ лицъ былъ крестьянинъ Васильевъ. Среди своихъ односельчанъ онъ отличался особенной тихостью нрава и если „велъ разговоры“, то въ самомъ успокоительномъ направленіи. Какъ знать, можетъ быть именно, благодаря ему, каріане не участвовали въ разгромахъ помѣщичьихъ имѣній. Когда очередь дошла до Васильева, знавшій его хорошо волостной судья Бѣлкинъ не могъ скрыть своего удивленія и ужаса.

— „Господи, этого-то за что“?—невольно вырвалось у Бѣлкина.

„Это услышалъ урядникъ.

— „Погоди, узнаешь за что“,—отвѣтилъ онъ Бѣлкину и отправился съ докладомъ къ Луженовскому.

„Однако Бѣлкинъ не сталъ ждать. И когда урядникъ явился съ приказомъ Луженовскаго „подать ему Бѣлкина“, тотъ успѣлъ скрыться. Начались поиски, но Бѣлкина не нашли.

— „Разстрѣлять мерзавца“!—закричалъ Луженовскій.

Въ обстановкѣ совершающихся событій всѣ понимали, что въ устахъ Луженовскаго это не была пустая угроза. И, дѣйствительно, когда Бѣлкинъ ночью хотѣлъ вернуться домой, его предупредили, что возлѣ дома его подстерегаютъ стражники. Бѣлкинъ бѣжалъ въ Тамбовъ. Тамъ онъ явился въ консультацію присяжныхъ повѣренныхъ искать защиты. Нѣсколько дней онъ благополучно скрывался въ городѣ. Но случайно встрѣтилъ его на базарѣ урядникъ. И безъ долгихъ разговоровъ и стѣснительныхъ формальностей волостного судью Бѣлкина заточили въ Тамбовскую тюрьму...“

Послѣ этого не нужно удивляться, что, какъ передаетъ г. Владиміровъ, „крестьяне на сходахъ сговаривались, что если бы нашлась такая душа, которая избавила бы всю округу отъ этого звѣря, то они заранѣе берутся замолить вину передъ Господомъ Богомъ за содѣянный грѣхъ, принявъ на себя отвѣтственность за него, за эту пролитую кровь. Не та душа будетъ отвѣчать предъ Господомъ, а всѣ они, крестьяне, всѣ измученные, истрадавшіеся, засѣченные имъ... Вотъ кто понесетъ отвѣтъ Богу!.“.

Вотъ почва, на которой выросло „дѣло Спиридоновой“,—эта почва вспахана и воздѣлана самимъ Луженовскимъ и его сподвижниками, ими она тучно удобрена „карательными экспедиціями“ и обильно орошена мужицкой кровью, ручьями лившейся повсюду, гдѣ только появлялся Луженовскій или кто-нибудь изъ его подручныхъ. Раненый М. А. Спиридоновой, умирая, онъ повидимому, началъ самъ это понимать, хотя можетъ быть и недостаточно отчетливо. Г. Владиміровъ передаетъ, что „Луженовскій все время былъ въ сознаніи и однажды въ минуту раздумья у него вырвались слова, если не

раскаянія, то оцѣнки своихъ поступковъ: „Дѣйствительно, я хватилъ черезъ край“.

Событія показали, что нельзя доводить народъ до того, чтобы подъ ударами истязателей „цѣлыя села выли коровами“: въ Тамбовской губерніи въ крестьянствѣ теперь нѣтъ популярнѣе имени, какъ М. А. Спиридоновой. Да и въ одной ли Тамбовской?...

„Когда, разсказываетъ г. Владиміровъ, крестьяне селенія „Пески“, находящагося недалеко отъ Борисоглѣбска, узнали, что недавній укротитель ихъ Луженовскій кѣмъ-то убитъ, они послали въ городъ Борисоглѣбскъ трехъ крестьянъ, чтобы они точно узнали имя того человѣка, избавившаго ихъ отъ жестокаго мучителя, одно упоминаніе о которомъ вызывало кошмаръ среди населенія. Имъ необходимо было узнать имя избавителя, чтобы поминать его въ церкви, при чемъ если то лицо живо, то за здравіе, если же умерло, то за упокой души. Теперь тамъ имя „Марія“ занесено въ поминаніе и все селеніе знаетъ и возноситъ свои горячія мольбы предъ Богомъ, когда священникъ произноситъ „о здравіи болящей Маріи“...

И не одни Пески возносятъ свои горячія молитвы „о здравіи болящей Маріи“... Тотъ же г. Владиміровъ слышалъ въ вагонѣ такой разговоръ двухъ деревенскихъ женщинъ о томъ, что раненый Луженовскій долго и страшно мучается, заживо разлагаясь.

„Вотъ какъ справедливъ Господь!... Накажетъ, да такъ накажетъ, что во всемъ видна его премудрость Божія. Взять вотъ, напримѣръ, Богдановича... много зла сдѣлалъ, много горя причинилъ людямъ, ну Господь и наказалъ его... Убили... и мучился онъ 3 дня.— А вотъ нынче-то, Луженовскаго Господь Богъ пока.

ралъ .. Ну этотъ сдѣлалъ столько зла, столько зла, что и не приведи Боже... Куда Богдановичу!!... (и махнула рукой). Словомъ и неразскажешь всего, сколько погубилъ народу...

„Тоже наказалъ егоГосподь, да такъ наказалъ, что 40 дней положилъ ему мучиться...

„Всѣ наши слезы, стоны припомнились ему за эти 40 дней... отомстились ему!

„Онъ захлебывался въ собственныхъ стонахъ и крикахъ, чувствуя сколько страданія мы перенесли отъ его рукъ! Да! Во всемъ видна справедливость Божія...

Какія чувства съумѣлъ породить къ себѣ Луженовскій въ окружающемъ населеніи, это можно видѣть изъ того факта, что, какъ передаетъ г. Владиміровъ, „въ городѣ Борисоглѣбскѣ обыватели очень интересовались, сколькими пулями и куда былъ раненъ Луженовскій. Они настолько хотѣли его смерти, что когда узнали, что Луженовскій не убитъ, а только раненъ, то ходили спеціально къ доктору, чтобы узнать его мнѣніе, дѣйствительно ли Луженовскій останется живъ; возможно ли получить выздоровленіе послѣ двухъ пуль, попавшихъ въ животъ. Когда получали отрицательный отвѣтъ—радовались и успокаивались".

Но возвратимся къ М. А. Спиридоновой. Послѣ всѣхъ пытокъ, которымъ ее подвергли гг. Абрамовъ и Ждановъ, и невѣроятныхъ истязаній, ее помѣстили въ Тамбовскую тюрьму. Въ какихъ условіяхъ она находилась тутъ, это выяснилось только послѣ даннаго ей свиданія съ ея матерью черезъ семнадцать дней.

Г. Владиміровъ такъ описываетъ это свиданіе. Мать ничего не знала, что дочь больна; правда, ходили слухи и до нея дошли, что дочь подверглась большимъ

истязаніямъ со стороны Абрамова и Жданова, но отчасти не вѣрила, или, лучше сказать, не хотѣла вѣрить.

„Когда отперли желѣзную дверь камеры и желѣзный засовъ повернули на ржавыхъ петляхъ съ холоднымъ лязганьемъ металла, глазамъ матери представилась страшная картина: на полу, въ углу комнаты лежитъ ея дочь Маруся! Ея славная Маруся, крошка, ея любимица! Голова безъ движенія покоится на подушкѣ, обложенная компрессами. На глазу тоже компрессъ. Она не шевельнулась, когда въ ея камеру вошелъ жандармскій офицеръ въ сопровожденіи тюремнаго смотрителя. Мать неподвижно оставалась стоять на порогѣ, не смѣя нарушить гробоваго покоя могильнаго склепа. Въ душѣ ея воцарился ужасъ. Что съ Марусей? Почему она на полу? Почему ея чудная, красивая головка обложена компрессами? Что это значитъ? Кто скажетъ ей, объяснитъ настоящую причину?... Увы! Отвѣта не было! Значитъ все это вѣрно—пронеслось въ головѣ матери. Значитъ, эти слухи про истязателей, мучителей Аврамова и Жданова вѣрны! Вѣдь съ момента ея ареста до этого свиданія прошло 17 дней, значитъ, въ продолженіе семнадцати дней несчастная дочурка безъ движенія, безъ помощи лежала на полу, не будучи въ состояніи поднять даже головы отъ подушки.

„Значитъ хорошо поиздѣвались надъ нею эти подонки ненасытной преступности, эти гнусные рыцари уголовныхъ дѣяній, что за 17 дней леченія она не въ состояніи отнять голову отъ подушки. Какой ужасъ! Какое звѣрство! Гдѣ предѣлы преступности?

„Бѣдная мать тихо приблизилась къ лицу дочери.

„Прошла безмолвная минута, никто не нарушалъ ти-

шины. Затѣмъ офицеръ громкимъ голосомъ прервалъ молчаніе:

— „Марія Александровна! къ вамъ мать пришла на свиданіе!

„Тогда Маруся открыла глаза, легкимъ наклоненіемъ головы попросила мать приблизиться къ ней. Старушка сѣла на полъ около своей любимицы, долго разглядывала ее, не знала съ чего начать разговоръ, а слезы ручьемъ текли по щекамъ. Офицеръ всталъ на колѣни на полъ и помѣстился между головой Марьи Александровны и матери—въ это маленькое пространство, отдѣлявшее голову больной отъ материнской.

Свиданіе продолжалось 20 минутъ. Мать ни однимъ вопросомъ не обмолвилась по поводу того, что привело Марусю къ такому виду, всегда крѣпкую и здоровую физически съ малыхъ лѣтъ. Она чувствовала, что эти вопросы неумѣстны, что они растревожатъ больную душу. Да и дочь не заговаривала объ этомъ.

„Лицо у больной было хорошее, бѣленькое; чувствовалось на немъ глубокое страданіе, глазъ весь вспухшій съ багровыми подтеками свидѣтельствовалъ о физическихъ боляхъ, пережитыхъ ею. Другой глазъ ясный, синій съ любовью обратился къ старушкѣ-матери.

„Съ полнымъ сознаніемъ, яснымъ пониманіемъ вещей, больная стала успокоивать мать; убѣждала ее не отчаиваться, не убиваться при мысли, что за совершенный ею поступокъ ее повѣсятъ.

— „Мамочка!—говорила она,—я умру съ радостью! ты не безпокойся, не убивайся за меня; у тебя остается еще четверо дѣтей, заботься о нихъ»!

— „Тяжело только, что не успѣла покончить съ собой и живой досталась этимъ мучителямъ, истязателямъ!“

„Говорила она тихимъ, слабымъ голосомъ. Часто останавливалась, чтобы отдохнуть. Видимо, разговоръ ей былъ труденъ.

„Затѣмъ говорила она о всякихъ семейныхъ дѣлахъ, просила позаботиться послѣ ея смерти о братѣ Колѣ, умоляла мать постараться всѣми силами продолжать его образованіе въ гимназіи, говоря, что онъ очень умный и способный мальчикъ.

„Черезъ 20 минутъ офицеръ поднялся съ колѣнъ и холоднымъ, оффиціальнымъ тономъ сообщилъ, что свиданіе окончено, и попросилъ мать выйти изъ камеры. Старушка поцѣловала личико своей ненаглядной Маруси, укрыла ее потеплѣе одѣяломъ и поднялась съ пола. Маруся же только слегка кивнула головкой, до того она была слаба. И мать исчезла въ дверь».

Лежала она въ больничномъ отдѣленіи тюрьмы, гдѣ медицинская помощь почти отсутствовала, т. к. фельдшера не было съ 20 января до половины февраля, да Марія Александровна не любила его, потому что онъ не обладалъ необходимыми медицинскими свѣдѣніями и его „леченіе“ часто приносило ей только вредъ. Никто за ней не ухаживалъ, и она безпомощная, не могущая поднять голову отъ подушки, была предоставлена самой себѣ въ одиночной камерѣ, за запертой дверью, за которой безсмѣнно находился часовой. Пищу ей давали отвратительную, мясо гнилое, съ рѣзкимъ запахомъ. Улучшить пищу не хотѣли, а получать „съ воли“, какъ это разрѣшается обыкновенно политическимъ, ей не дозволяли. Ей не дали даже кровати подъ тѣмъ предлогомъ, что она въ бреду можетъ упасть съ нея, и больная Марія Александровна должна была все время валяться въ углу камеры на брошенномъ сѣнникѣ, какъ собака.

Нужно было почти 2½ мѣсяца, чтобы Марія Александровна могла хоть настолько оправиться, чтобы хоть какъ-нибудь предстать предъ военно-полевымъ судомъ, который долженъ былъ вынести ей смертный приговоръ. Судъ состоялся 11 марта. За день до суда ей снова было дано свиданіе съ матерью, сестрой и братомъ, пріѣхавшимъ изъ Балашева. Другая сестра Маріи Александровны была арестована въ концѣ февраля тѣмъ же Ждановымъ и находилась въ той жа тюрьмѣ, но въ другомъ отдѣленіи. Свиданіе происходило въ той же камерѣ, что и первое.

„Сестра и братъ, сообщаетъ г. Владиміровъ, нашли, что Маруся стала очень блѣдной, восковой и при этомъ какъ бы опухшей. На щекахъ выступалъ рѣзкими пятнами яркій ненормальный румянецъ. Подъ глазами рѣзкіе, огромные, будто намазанные углемъ синяки; щека не зажила. Кровь горломъ сильно идетъ до сихъ поръ".

Марія Александровна была очень бодра и ласкова.

Судъ состоялся, какъ и слѣдовало ожидать, при закрытыхъ дверяхъ. Предсѣдательствовалъ генералъ Иваненко. Въ залу засѣданія были допущены, кромѣ состава суда и защиты, два судейскихъ чиновника и тамбовскій губернаторъ Янушевичъ. По ходатайству защиты, были также допущены одна изъ сестеръ Маріи Александровны и старуха мать, оставившая, впрочемъ, засѣданіе въ самомъ началѣ, не будучи въ состояніи сдерживать истерическія рыданія. По словомъ московскихъ газетъ, „послѣ чтенія обвинительнаго акта начинается допросъ свидѣтелей. Спиридоновой 21 годъ, но впечатлѣніе она прозводитъ 17-ти лѣтней.

„Нѣсколько мгновеній она глухо кашляетъ въ платокъ, а когда она отнимаетъ платокъ отъ рта, на

платкѣ ясно видны слѣды крови. Лицо ея дышетъ энергіей и вѣрой. Своимъ обаяніемъ и вдохновенной рѣчью она покоряетъ присутствующихъ. Судъ удовлетворяетъ ходатайство защиты о производствѣ медицинскаго осмотра Спиридоновой. По соглашенію суда и защиты, допрашиваются только два свидѣтеля, детально обрисовывающіе картины убійства Луженовскаго. Затѣмъ опрашиваются два врача. Одинъ, осматривавшій Спиридонову уже много дней спустя послѣ истязаній, доказываетъ, что на ея тѣлѣ имѣются безчисленные слѣды отъ побоевъ и истязанія. Ошеломляющее впечатлѣніе производитъ показаніе тюремнаго врача Финка, который первый производилъ изслѣдованіе Спиридоновой послѣ того, какъ она, истерзанная, еле живая, была доставлена въ тюрьму. Финкъ рисутъ ужасную картину того гнуснаго дѣла, которое разыгралось при содѣйствіи казачьяго офицера Аврамова и полицейскаго Жданова. Показаніе Финка превосходитъ все, что можно было себѣ прадставить на основаніи письма Спиридоновой и показаній свидѣтелей. Невозможно себѣ представить, чтобы это маленькое, тщедушное существо могло перенести всѣ тѣ мученія, которымъ ее подвергли дикіе истязатели. Средневѣковыя пытки, ужасы испанской инквизиціи кажутся шуткой въ сравненіи съ тѣмъ, что перенесла Спиридонова. Результатомъ истязанія Спиридоновой явилось развитіе жестокаго туберкулеза. Она плохо видитъ, а въ началѣ думали, что она совсѣмъ потеряла зрѣніе, такъ какъ двѣ недѣли ея глаза были совершенно опухши. Спиридонова почти ничего не слышитъ".

Не будемъ повторять всего того, что мы уже знаемъ изъ предыдущаго по этому дѣлу и что было пред-

метомъ судебнаго разбирательства. По прочтеніи обвинительнаго акта М. А. Спиридонова встала и сама давала объясненія, впослѣдствіи ею лично записанныя и переданныя г. Владимирову.

— Да, сказала она, я убила Луженовскаго и хотѣла бы дать нѣкоторыя объясненія.

— Я—членъ п. с. р., и мой поступокъ объясняется тѣми идеями, которыя исповѣдуетъ партія и я, какъ членъ ея, и тѣми условіями русской жизни, при которыхъ эти идеи должны реализироваться.

„Народное недовольство существующими порядками приняло рѣшительную и грозную форму революціи, т. е. вооруженныхъ сопротивленій властямъ, нападеній на правительственныхъ лицъ и открытыхъ уличныхъ столкновеній съ войсками. Правительство попробовало измѣнить обычный методъ удовлетворенія нуждъ народныхъ,—пули, штыки, пушки,—но это не подошло, и тогда придуманъ былъ манифестъ о свободѣ.

„Одновременно съ манифестомъ были изобрѣтены остроумныя проявленія истинно-народныхъ чувствъ въ видѣ черносотенныхъ погромовъ. Манифестъ былъ, конечно плодомъ ловкой стратегіи, удачнымъ тактическимъ шагомъ... (Прокуроръ прерываетъ и требуетъ прекратить, предсѣдатель разрѣшаетъ продолжать...) и только...

„Какъ только бюрократія увидѣла, что манифестъ можно взять, она его взяла и вернулась на испытанный, любезный сердцу путь репрессій. Ужасы реакціи были несравнимы съ предыдущими. За 2—3 мѣсяца по смертнымъ приговорамъ убито до 200 человѣкъ, безпокойная интеллигенція засажена въ тюрьмы, всякія оппозиціонныя общества прикрыты, печать придушена, ловкая организація шпіонства старается парализовать

дѣятельность такихъ обществъ, вооруженныя возстанія подавлены. Бюрократія создала условія, при которыхъ голосъ народнаго недовольства не доходилъ до верховной власти и представляла, что страна достигла максимальнаго благополучія. Въ области усмиренія крестьянскихъ безпорядковъ дѣятельность бюрократіи особенно блестяща и должна быть записана въ ея лѣтописяхъ золотыми буквами.

„Не буду говорить объ усмиреніи крестьянъ въ цѣлыхъ губерніяхъ, или одной Тамбовской, возьму одинъ уѣздъ и одного въ немъ кроваваго работника — Луженовскаго. Напомню нѣсколько деревень, гдѣ онъ былъ:— дер. Адовка, деревн. Хоперки, сельцо Лебяжье, с. Сергіевка, с. Троицкое, с. Поселокъ, с. Посѣвкино, с. Мучканъ, дер. Верхняя Яруга, дер. Нижняя Яруга, с. Верхне-Чуево, с. Малыя Алабухи, с. Большія Алабахи, с. Подорное, с. Уварово, с. Петровское, с. Березовка, — всѣ эти села, многія я не помню, представляютъ изъ себя послѣ Луженовскаго картину такого же опустошенія, какъ болгарскія деревни послѣ нашествія турокъ. Въ деревнѣ Павлодарѣ убито 10 чел.: Щербаковъ, трое Зайцевыхъ, Островитиновъ, Дубровинъ Александръ и др.

„Семьѣ Зайцевыхъ было возможно содержать Пашу Зайцева въ екатеринославскомъ учительскомъ институтѣ. Это былъ честный, чистый, горячій юноша. „Всю свою интеллигентность, свои знанія я принесу на служеніе своимъ братьямъ въ деревню",— говорилъ онъ. Другой его товарищъ, тоже крестьянинъ Островитиновъ, былъ съ нимъ въ томъ же селѣ. Они выступили отвѣчать Луженовскому, который на нестройный гулъ всѣхъ мужиковъ отвѣчалъ залпомъ.

Ихъ замучили. Ихъ мучили въ теченіе 4-хъ дней.

Въ деревню ѣхалъ Александръ Дубровинъ, соціалъ-демократъ.

Соціалъ-демократы, въ настоящее время непосредственно не нападаютъ на собственность, и они не проповѣдуютъ крестьянамъ захвата земель и орудій сельско-хозяйственнаго производства. Дубровинъ ѣхалъ, чтобы убѣдить крестьянъ не жечь усадьбы, потому что не по соціалъ-демократически думалъ и говорилъ онъ (въ этихъ усадьбахъ,—говорилъ онъ—въ этихъ усадьбахъ, будутъ крестьянскія школы и больница). Онъ ѣхалъ къ крестьянамъ, чтобы ихъ озлобленное, стихійное движеніе урегулировать, придать ему разумность и планомѣрность. Его схватили, не зная, кто онъ, и каковы его цѣли и замучили его въ теченіе 4-хъ дней. Когда черезъ 4 дня его родственникамъ, подъ видомъ случайныхъ путешественницъ, удалось проникнуть къ его трупу, —онѣ не узнали его.

Вмѣсто статнаго красавца, Дубровинъ представлялъ изъ себя кучу лохмотьевъ мяса, костей и крови. Послѣдній день онъ задыхался, просилъ воды, — ему не давали, онъ подползалъ къ открытой двери и глоталъ свѣжій воздухъ. Съ возгласомъ: „куда, собака!“—казакъ гналъ его въ уголъ нагайкой. Въ селѣ же Павлодарѣ ранено до 40 человѣкъ. Въ деревнѣ Березовкѣ Карпъ Васильевичъ Клемановъ, крестьянинъ, сошелъ съ ума отъ истязаній, въ с. Пескахъ двое сошли съ ума.

Кромѣ разстрѣловъ, засѣканій и медленнаго замучиванья подъ нагайками, употреблялись еще мѣры усмиренія: полное расхищеніе крестьянскихъ пожитковъ, хлѣба (всего), зажиганіе крамольнаго села съ двухъ

концовъ и насилія надъ женщинами. Къ стопамъ бюрократіи Луженовскій со своихъ тріумфальныхъ поѣздокъ клалъ побѣдные трофеи въ видѣ убитыхъ крестьянъ, раззоренныхъ хозяевъ, изнасилованныхъ женщинъ и избитыхъ дѣтей. Забыла, надо вставать, какъ Луженовскій по пріѣздѣ въ село распоряжался согнать сходъ, раздѣть мужиковъ и уходилъ отдыхать, пить или обѣдать, оставляя мужиковъ на колѣняхъ, въ грязи или снѣгу. Въ качествѣ начальника охраны въ г. Борисоглѣбскѣ онъ тоже блестяще дѣйствовалъ. Городъ былъ тихій, оппозиціи тамъ не было. 18-го же октября была радостная манифестація, говорились рѣчи, высказывались пылкія надежды. Луженовскій всѣхъ этихъ говоруновъ пересажалъ и, казалось бы, нечего было дѣлать въ г. Борисоглѣбскѣ. Тогда онъ сталъ арестовывать людей не только по показанію полиціи, или такихъ добровольцевъ, какъ у насъ Кашкинъ или Усковъ, а просто по личному впечатлѣнію, по хмельному капризу. Обыски, разгромы, допросы Луженовскимъ арестованныхъ грозили жизни допрашиваемыхъ, обращеніе его съ родственниками арестованныхъ было до крайности грубо и оскорбительно. Онъ грозилъ пересажать весь Борисоглѣбскъ, онъ хвасталъ на обѣдахъ, которые ему устраивало запуганное купечество, что своими руками онъ убилъ шестерыхъ мужиковъ; про битье онъ не говорилъ, точно у мужика нѣтъ своего достоинства, точно онъ не такая же личность, какъ и мы, ударъ по лицу которыхъ считается по оскорбительности тяжелѣе смерти.

О Луженовскомъ, какъ объ идейномъ родоначальникѣ, вдохновителѣ и организаторѣ такого позорнаго явленія въ русской жизни, какъ черная сотня, гово-

рить не буду, всѣ объ этомъ знаютъ и знали. Луженовскій являлся въ глазахъ тамбовскаго комитета партіи соціалъ-революціонеровъ и моихъ, какъ члена его, воплощеніемъ зла, произвола, насилія, типичнымъ выразителемъ всѣхъ страшныхъ чертъ бюрократіи. Онъ быстро подвигался по служебной лѣстницѣ и въ недалекомъ будущемъ передъ нимъ блистала перспектива всемогущей диктатуры въ Западномъ краѣ или другомъ гонимомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ разгулялся на просторѣ во всю ширь своей натуры. Онъ становился крупнымъ столпомъ того зданія, въ которомъ задыхается народъ. Онъ былъ народный угнетатель и никакой мѣры обузданія, кромѣ смерти, найти на него было нельзя.

Тамбовскій комитетъ партіи с.-р., какъ и вся партія, задачей своей дѣятельности ставитъ защиту интересовъ трудящихся массъ, защиту ихъ чести и счастья, партія хочетъ въ настоящее время добиться такихъ политическихъ и экономическихъ условій, при которыхъ народъ вольнымъ шагомъ шелъ бы къ соціализму, къ планомѣрной организаціи всеобщаго труда на всеобщую пользу, къ такому строю, при которомъ великія слова: братство, равенство и свобода людей станутъ дѣйствительностью, а не мечтой. И во имя человѣческаго достоинства, во имя уваженія къ личности, во имя правды и справедливости, тамбовскій комитетъ и я вынесли смертный приговоръ Луженовскому. Я въ полномъ согласіи съ ними и въ полномъ сознаніи своего поступка взялась за выполненіе приговора, потому что сердце такъ рвалось отъ боли, такъ стыдно и тяжко было жить, слыша, что происходитъ въ деревняхъ, получая вѣсти о томъ ужасѣ и деморализаціи, царившихъ въ душахъ крестьянъ послѣ Луженовскаго. А когда мнѣ пришлось встрѣтитьс

съ мужиками, сошедшими съ ума отъ истязаній, когда я увидѣла безумную старуху мать, у которой 15-тилѣтняя красавица-дочь бросилась въ прорубь послѣ казацкихъ ласкъ, то никакія силы ада, никакая перспектива страшнѣйшихъ мученій не могли бы остановить меня отъ выполненія задуманнаго. И дѣйствительно, месть полицейская была на высотѣ своихъ традицій. Всею тяжестью военно-полицейской организаціи бюрократія обрушилась на мои плечи и придавила ихъ. Хотя номинально пытки отмѣнены, но ихъ ко мнѣ примѣнили. Все, что писано въ письмѣ мною, — правда. Меня истязали утонченно, надо мной глумились и оскорбляли всѣ мои чувства. Меня били по лицу, а знаете ли вы, гг. судьи, что значить для личности это оскорбленіе? Лучше восемь разъ умереть, чѣмъ снести это. (Краткій разсказъ о безобразіяхъ въ арестантской Борисоглѣбска, прибавлена подробность о сдираніи кожи. Подсудимая ни слова не сказала, какъ ей пришлось ѣхать въ поѣздѣ съ Аврамовымъ,—она не могла). И опять повторяю: не смотря на весь ужасъ со мной происшедшаго, я счастлива встать на защиту народа и умереть за него“.

Рѣчь помощника военнаго прокурора г. Никитина въ газетахъ пока не появилась, и мы не можемъ сказать, на чемъ ее построилъ обвинитель.

Защитниками М. А. Спиридоновой были: по назначенію — кандидатъ на военно-судебныя должности есаулъ А. П. Филимоновъ и по приглашенію родственниковъ Маріи Александровны, московскій присяжный повѣренный Н. В. Тесленко. Тѣмъ и другимъ были произнесены рѣчи, которыя и приводятся здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ появились въ газетахъ. Первымъ гово-

рилъ казенный защитникъ г. Филимоновъ — онъ сказалъ:

„Защитительное слово въ пользу подсудимой Маріи Спиридоновой будетъ сказано моимъ болѣе опытнымъ и талатливымъ товарищемъ. Я же пользуюсь правомъ защитника, чтобы высказать одно соображеніе, одну мысль, которая всецѣло владѣетъ мной съ момента начала настоящаго засѣданія.

„Я впервые присутствую на судебномъ процессѣ подобнаго рода, не могу отрѣшиться отъ необычайности обстановки, въ которой совершается этотъ процессъ. Съ одной стороны, я вижу блестящую коллегію строевыхъ офицеровъ, экстренно собравшуюся для сужденія по законамъ чрезвычайнаго времени политической преступницы; съ другой стороны, я вижу слабую, измученную, едва достигшую совершеннолѣтія молодую дѣвушку, почти дѣвочку, которой предъявили обвиненіе по статьѣ закона, знающей только одно наказаніе—лишеніе жизни. Съ одной стороны, я слышалъ обвинительный актъ, безстрастный и суровый, требующій осужденія и наказанія. Съ другой стороны, у меня въ ушахъ стоитъ горячая, искренняя исторія-исповѣдь этой удивительной дѣвушки съ горячей головой и пылкимъ воображеніемъ, увлекшейся сладкой, но несбыточной мечтой, о счастіи дорогого намъ всѣмъ народа. Мы всѣ съ содраганіемъ и ужасомъ услышали отъ нея разсказъ о безбожныхъ и безчеловѣчныхъ истязаніяхъ ея во время ареста, подтвержденныхъ актомъ медицинскаго осмотра. Мы слышали, наконецъ, заключеніе врача-эксперта, удостовѣрившаго, что молодой организмъ охваченъ неизлечимымъ недугомъ, который особенно опасенъ для нѣжнаго возраста подсудимой.

„Гг. судьи, я такъ же, какъ и вы, выросъ въ военной средѣ, посвящающей всю свою жизнь военному дѣлу. Мы всѣ воспитаны въ сознаніи необходимости прямо и смѣло смотрѣть въ глаза смерти, а въ случаѣ необходимости причинять ее и другимъ. Но я такъ же, какъ и вы, твердо знаю, что рука честнаго воина даже въ пылу брани, въ самомъ горячемъ бою не опускается на голову женщины. Мы знаемъ, что военные люди женщинъ не убиваютъ. Вотъ почему я съ безпокойствомъ и трепетомъ смторю на ваши лица, чтобы прочесть въ нихъ ваши намѣренія.

„Я хочу вѣрить и вѣрю, что ваши руки, предназначенныя для удара въ открытомъ честномъ бою, не подпишутъ смертнаго приговора этой несчастной дѣвушкѣ. Я вѣрю, что вы найдете законный исходъ изъ вашего тяжелаго, безотраднаго положенія. Исходъ этотъ подскажетъ вамъ ваша совѣсть, указаніе на него даетъ вамъ и законъ.

„Я же позволю себѣ обратиться къ вамъ, моимъ собратьямъ по оружію, съ горячей мольбой: не забывайте, подписывая приговоръ, что военные люди не убиваютъ женщинъ.“

Затѣмъ говорилъ Н. В. Тесленко, обратившійся къ суду съ такими словами.

„Гг. судьи, отъ васъ требуютъ смертнаго приговора. Загляните же въ вашу совѣсть глубже, пытливѣе, проницательнѣе. Загляните! Находите ли вы тамъ ту величайшую степень негодованія и возмущенія противъ подсудимой, безъ которыхъ вы не можете послать ее на казнь? Отъ васъ требуютъ не наказать Спиридонову, но лишить ее жизни, убить не въ равномъ бою съ вооруженнымъ врагомъ, но умертвить беззащитную и без-

помощную. У насъ, русскихъ, въ нашемъ правосознаніи нѣтъ идеи: око за око и за смерть смерть. Смертный приговоръ до глубины души возмущаетъ чувство справедливости русскаго народа. Чтобы широко примѣнять смертную казнь, нужны особыя условія въ жизни го ірства, когда правительство перестало судить и управлять, но лишь безпощадно истребляетъ своихъ враговъ.

„Ужасное дѣло казней возложено на военные суды. Ихъ заставляютъ выносить смертные приговоры и только смертные приговоры. Я знаю, все сдѣлано для того, чтобы заставить васъ послать на эшафотъ Спиридонову. Но развѣ судъ заведеніе, въ которомъ вслѣдъ за заказомъ немедленно появляется требуемое исполненіе? Развѣ судъ машина для наложенія карающихъ штемпелей на обинительные акты? Я не хочу этому вѣрить. Судъ— глубокое испытаніе человѣческой совѣсти, и къ ней, къ вашей совѣсти, я обращаюсь. При свѣтѣ ея разсмотрите содѣянное подсудимой и вы увидите не одинокую Спиридонову, убивающую Луженовскаго, вы увидите всю страждующую Россію. Вы увидите сотни Спиридоновыхъ и тысячи Луженовскихъ, и тотъ ужасъ, который гнететъ и давитъ насъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ мы живемъ въ кровавомъ туманѣ. Кажется, всѣ великія изобрѣтенія человѣчества: паръ, электричество, телеграфъ, телефонъ, книгопечатаніе, все соединилось для того, чтобы каждый день, собирая вѣсти со всѣхъ концовъ нашей родины, терзать и мучать. Загляните въ газету, которую вы сегодня прочли; посмотрите, развѣ типографской краской она напечатана, а не кровью засѣченныхъ, забитыхъ, разстрѣлянныхъ, повѣшанныхъ, замученныхъ. Развѣ не слышатся изъ каждой печатной строки стенанія, вопли и призывы о помощи.

„Но есть люди, подобные Спиридоновой, на каторыхъ летѣли брызги братской крови, которые видѣли муки народа и влагали персты свои въ язвы его. Такъ неужели же смерть имъ за то, что чувство негодованія, которое всѣхъ насъ охватываетъ, у нихъ претворилось въ дѣло, и цѣною своей благородной жизни они готовы платить за страданія народа!

Она негодовала. Она разсказала, почему она негодовала. Я не буду говорить о Луженовскомъ. Онъ умеръ, и жизнь его принадлежитъ суду исторіи. И въ дѣлѣ мало данныхъ для сужденія о немъ. Но развѣ закрадется въ вашу душу хотя тѣнь сомнѣнія въ правдивости разсказа Спиридоновой о Луженовскомъ? Она вѣдь была тамъ, въ этихъ селахъ, по которымъ пронесся опустошительнымъ ураганомъ Луженовскій. Она называла вамъ деревни и имена крестьянъ, застрѣленныхъ, засѣченныхъ, забитыхъ, изувѣченныхъ. Она разсказывала объ изнасилованіи казаками женщинъ, о безпощадномъ грабежѣ, о безчисленныхъ арестахъ. Луженовскій въ ея представленіи сталъ олицетвореніемъ того ужаса, въ который повергнута была Тамбовская губернія.

„Да кто-же не знаетъ о Луженовскомъ! Имя его знакомо всей читающей Россіи. Оно не сходило вмѣстѣ съ именами другихъ такихъ же дѣятелей со страницъ періодической печати. Ихъ дѣла взывали о мщеніи. И развѣ чувство общественнаго негодованія находило законное удовлетвореніе? Развѣ замученные, истерзанные крестьяне могли гдѣ-нибудь найти помощь и защиту? „Сердце такъ рвалось отъ боли, говорила здѣсь Спиридонова, такъ стыдно было жить, когда кругомъ все это происходило. А когда я увидѣла мужика, сошед-

шаго съ ума отъ истязаній, увидѣла мать, дочь которой бросилась въ прорубь послѣ казацкихъ ласкъ, я сказала: я убью Луженовскаго, я пойду на смерть, и никакія силы ада не могли меня остановить". Такъ неужели же за это смерть?

„Не ищите объясненія лишь въ программахъ и ученіяхъ партій. Могучее чувство негодованія двигаетъ рукой не однихъ революціонеровъ. Во время французской революціи Маратъ вселялъ ужасъ въ сердца приверженцевъ стараго порядка. Онъ погибъ отъ руки такой же чудной и благородной дѣвушки, имя которой служитъ предметомъ поклоненія и восхищенія. Каждый Маратъ долженъ найти свою Шарлотту Корде. И въ этомъ, быть можетъ, великій законъ человѣческой совѣсти.

Итакъ, событіе это не стоитъ одиноко. Оно связано съ тысячей другихъ событій. Судьбы Луженовскаго и Маріи Спиридоновой—это судьбы русской революціи. Еще въ октябрѣ тамбовскій комитетъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ приговорилъ Луженовскаго къ смерти. Затѣмъ манифестъ 17 октября, амнистія, и Луженовскій также амнистированъ. Но увы! 17 октября было лишь мимолетнымъ лучезарнымъ сіяніемъ, озарившимъ на мгновеніе русскую жизнь. А тамъ все пошло по старому. Опять полилась кровь. Опять Луженовскій... Но забываютъ, что если льется кровь, она всегда льется съ двухъ сторонъ. Міровая трагедія, поставленная теперь на сценѣ русской жизни, создала этотъ процессъ. И нельзя убивать одного за грѣхи всего народа.

„Но въ этомъ дѣлѣ есть нѣчто такое, что изгоняетъ самую мысль о карательномъ приговорѣ. Я стою передъ вами въ недоумѣніи и не знаю, что я долженъ дѣлать: защищать ли Спиридонову, или, наоборотъ,

требовать для нея помощи и возмездія. Я не знаю, что вы должны дѣлать, карать или спасать ее.

„Вы выслушали потрясающую повѣсть подсудимой о нечеловѣческихъ мученіяхъ, которымъ ея подвергали. Вы не усомнились въ правдивости ни одного ея слова. Да и нельзя сомнѣваться. Каждую пытку, каждый ударъ мучители занесли въ протоколъ, написанный на ея тѣлѣ и здѣсь на судѣ прочитанный врачемъ. Истязанія длились двѣнадцать часовъ. Обнаженную, ее держали въ холодной камерѣ, ногами перебрасывали изъ угла въ уголъ, топтали сапогами грудь, ступни ногъ, били нагайками, били по лицу, отрывали по волосу, отдирали кожу, разсѣченную нагайкой, гасили на тѣлѣ папиросы, приставали съ дикими, животными ласками. И она не назвала никого, ни разу не крикнула. Чтобы оцѣнить все безчеловѣчіе, весь ужасъ этихъ пытокъ, надо идти дальше застѣнковъ Ивана Грознаго и испанской инквизиціи, надо спуститься ко временамъ гунновъ и Тамерлана.

„Это даже не пытка съ цѣлью исторгнуть разсказъ о сообщникахъ. Это нѣчто болѣе утонченное. Пытка—физическая боль. Здѣсь же, кромѣ того, было безконечное униженіе, надругательство надъ самыми нѣжными и деликатными чувствами человѣка и чистой непорочной дѣвушки. Я не знаю никого, кто не содрогнулся бы отъ ужаса и негодованія, слушая страшную повѣсть о страданіяхъ Маріи Спиридоновой.

„Что же значитъ осудить теперь, послѣ этого, Спиридонову? Это значитъ добить ее. Когда въ римскомъ циркѣ падалъ измученный и израненный боецъ-гладіаторъ, пресыщенные зрители опускали руку внизъ, и раздавался страшный крикъ: „Добей его!“ Развѣ можете вы на своемъ приговорѣ написать римское pollice verso?

„Русское правительство одержало много великолѣпныхъ побѣдъ надъ своими врагами. Неужели для полнаго торжества ему надо еще добить этого безпомощнаго, безвреднаго и больного врага?

„Спѣшите же встать на защиту Маріи Спиридоновой! Не уступайте никому чести спасти эту дѣвушку! Вырывайте ее изъ когтей смерти!

„Передъ вами не только униженная, поруганная, больная Спиридонова. Передъ вами больная и поруганная Россія. Каждый день вѣсти о смертныхъ приговорахъ и казняхъ электрическимъ токомъ проносятся по всей странѣ и наносятъ новые и новые удары по старымъ не зажившимъ ранамъ. Казните Спиридонову, и вздрогнетъ вся страна отъ боли ужаса. Когда-нибудь надо положить предѣлъ этому озлобленію. Надо сказать слово умиротворенія. На вашу долю можетъ выпасть счастье сказать это впервые.

„Идите же въ совѣщательную комнату и возвращайтесь оттуда съ оливковой вѣтвью мира, а не съ поднятымъ мечомъ".

Послѣднее слово М. А. Спиридоновой, записанное г. Тесленко, было слѣдующее: „Господа судьи, оглянитесь кругомъ: гдѣ вы видите веселыя лица довольныхъ и счастливыхъ людей? Ихъ нѣтъ! Даже тѣ, на сторонѣ которыхъ сейчасъ торжество, отзываются печалью, потому что они знаютъ, что торжество ихъ скоро кончится, потому что всѣ придавленные, угнетенные и измученные перестанутъ стонать, а придумаютъ что нибудь иное, найдутъ выходъ. Я ухожу изъ этой жизни. Вы можете меня убить, вы можете меня нѣсколько разъ хотя бы убить, можете изобрѣсти самыя ужасныя наказанія, но прибавить къ тому, что я вынесла, ничего не можете.

„Смерти я не боюсь. Убивайте меня,—вы не сможете убить мою вѣру въ то, что настанетъ пора народнаго счастья, народной свободы, когда народная жизнь выльется въ формы, гдѣ правда и справедливость будутъ реализованы, когда идеи братства и свободы не будутъ пустой звукъ, а воплотятся въ дѣйствительность. О, за это, право, не жалко отдать свою жизнь!.. Кончила".

Судъ приговорилъ М. А. Спиридонову къ повѣшанію, но постановилъ ходатайствовать передъ командующимъ московскимъ военнымъ округомъ о замѣнѣ ей этого наказанія ссылкой въ каторжныя работы. Теперь жизнь М. А. Спиридоновой зависитъ отъ генералъ-лейтенанта Глазова, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, а нынѣ командующаго войсками Московскаго округа...

„Приговоръ былъ выслушанъ М. А. Спиридоновой совершенно спокойно, какъ и надо было ожидать.

„Послѣ суда у Н. В. Тесленка было второе свиданіе съ нею, длившееся болѣе 2-хъ часовъ, тоже наединѣ. При второмъ свиданіи она разсказала своему защитнику всѣ подробности ея путешествія въ вагонѣ отъ Борисоглѣбска до Тамбова, взявъ съ него честное слово, что онъ опубликуетъ ихъ во всей своей ужасной подробности послѣ ея смерти, послѣ того, какъ ее повѣсятъ. Она открыла ему всю свою душу, открыла ужасную тайну, которая ее терзаетъ даже теперь, при одной мысли о случившемся. Она взяла съ него честное слово, что даже никому, въ простомъ разговорѣ онъ не скажетъ ничего изъ того, что она ему повѣдала.

„Когда Марія Александровна открывала ему свою тайну, говоритъ г. Владиміровъ со словъ Тесленка,— она переживала такой ужасъ, въ такомъ нервномъ волненіи находилась въ эти минуты, что Тесленку дѣла-

лось жутко при одной мысли, что должна была перечувствовать, перестрадать эта геройская дѣвушка, которая съ спокойнымъ лицомъ выслушала свой приговоръ о смерти, передъ глазами которой смерть неотступно стоитъ въ видѣ призрака, ощущается ею каждую минуту... и все-таки она относится къ этому съ мужественнымъ поразительнымъ хладнокровіемъ; тогда какъ одно воспоминаніе ея о поѣздкѣ въ вагонѣ вызываетъ страшное нервное потрясеніе всего организма.

О поѣздкѣ на судъ М. А. Спиридоновой мы находимъ въ газетахъ нѣкоторыя подробности, дорисовывающія физіономію г. „Спиридоновой.“ Она была весела, улыбалась и привѣтливо кивала головой при встрѣчахъ со своими знакомыми, когда ее везли въ судъ. Былъ одиннадцатый часъ утра; рядомъ съ ней сидѣлъ на извозчикѣ жандармъ, а кругомъ ея верхами гарцовали казаки. Было хорошее утро, солнце ярко освѣщало пробуждающуюся весеннюю природу; оно своими мягкими, теплыми лучами нѣжно ласкало первые проблески новой жизни, ободряя души, вселяя надежды. На улицахъ было много народа, многіе хотѣли ее видѣть, поклониться ей. Она была блѣдна, только щеки неестественно горѣли красными пятнами, да темные круги подъ глазами придавали ей что-то воодушевленное, загадочное. Большіе глаза, казалось, смотрѣли откуда-то изъ глубины, изъ черной пропасти, и оттуда горѣли прекраснымъ, неземнымъ огнемъ. Эти глаза уже ощущали близость смерти. Она знала, что другого приговора, кромѣ того, который она получила, и не могло быть.

„Судъ продолжался всего 3—3½ часа.

„Около 3-хъ часовъ дня ее также провезли черезъ весь городъ изъ залы суда назадъ, въ тюрьму. По-

прежнему, по улицамъ гуляли толпы народа. Приговоръ суда: «Смертная казнь черезъ повѣшеніе», какъ молнія облетѣлъ весь городъ. Всѣ знали, что теперь ее везутъ уже «приговоренную къ смерти». Она попрежнему весело смотрѣла своими большими глазами на эту нарядную, гуляющую толпу. На лицѣ ея этотъ страшный приговоръ ничѣмъ не отразился. Она ѣхала, какъ будто не было вблизи призрака смерти. Она такъ же улыбалась, такъ же привѣтливо и мило кивала головой своимъ знакомымъ...» Такова исторія Маріи Александровны Спиридоновой и такова сама Марія Александровна Спиридонова. Проста и несложна эта исторія, но какимъ леденящимъ ужасомъ отъ нея вѣетъ!

И какъ лучезаренъ на мрачномъ фонѣ этого ужаса образъ истерзанной, измученной дѣвушки, съумѣвшей, несмотря на всѣ пытки, на всѣ истязанія и насилія, которымъ ее подвергли, сохранить и бодрость духа, и любовь къ человѣку, и вѣру въ конечное торжество истины и справедливости. Весь образъ этой избитой и поруганной, но сильной и гордой дѣвушки, такъ спокойно, съ такой счастливой улыбкой стоящей подъ виселицей, точно сотканъ изъ лучей любви, тепла и свѣта! И глядя на него, чувствуешь, какъ разсѣивается окружающій мракъ торжества насилія, теряетъ свою пугающую силу, начинаешь понимать и такъ сказать осязать, что торжество справедливости и всеобщее счастье не одна красивая мечта „безумцевъ", а сама грядущая дѣйствительность, во имя которой не страшны никакія муки, никакія страданія!

Редакторъ В. Г. Харитоновъ.
Издатель А. Веретенниковъ. (книгоиздательство „СѢВЕРЪ").

Типо-Литографія С. М. Муллеръ, В. О., 9 лин., д. 18.

23 марта вышла 1-ая книжка общественно-политическаго и литературнаго еженедѣльнаго журнала **„Народный Вѣстникъ"**.

Содержаніе: 1) Современный моментъ—Н. Е. Кудрина. 2) Къ аграрному вопросу (что такое соціализація земли?) В. М. Чернова. 3) Россійская конституція.—А. И. Гуковскаго. 4) Финансовыя перспективы—Л. Ш-га. 5) Стихотвореніе—П. С. Поливанова. 6) Обзоръ печати.—В. Г. Подарскаго. 7) Критика и библіографія: К. Каутскій объ аграрномъ вопросѣ въ Россіи—Н. И. Максимова.

Журналъ выходитъ еженедѣльно по четвергамъ книжками въ объемѣ 4-хъ печатн. листовъ. Главная контора журнала. СПБ., Спасскій пер., д. 5. Книгоиздательство Н. Е. Парамонова. Условія подписки: На 1 г. 4 руб., на 6 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 25 к.

Редакторъ-Издатель

А. Е. Звенигородскій.

СКЛАДЫ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО ИЗДАНІЯ

НАРОДНАЯ БЕСѢДА

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. 1) Коломенская, 32, кв. 4.

2) Невскій 40—42 книжный складъ, Школьное и Библіотечное Дѣло.

3) Самсоньевскій 19. Самсоньевское отдѣленіе книжнаго склада Школьное и Библіотечное Дѣло.

4) Невскій, 60. магазинъ „Трудъ".

ВЪ МОСКВѢ. 1) Арбатъ, Большой Николо-Песковскій переулокъ, д. 17, кв. 4, у А. Г. Лапицкаго.

Содержаніе вышедшихъ номеровъ:

№ 1. **П. Голубевъ.** Правда о казенныхъ и земскихъ сборахъ. Ц. 3 к.

№ 2. **П. Голубевъ.** Какъ собираются у насъ полати. Ц. 5 к.

Вышло и продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ сочиненіе **Н. Д. Авксентьева—Сверхчеловѣкъ. Цѣна 1 р.**

Адресъ редакціи: Съѣзжинская, 32, кв. 25. 30 Марта, 1906

Типографія С. М. Муллеръ, Вас. остр., 9 линія, д. 18.

